

ЕДИНСТВЕННАЯ

Сначала их было тридцать пять.
Настало время провозгласить победительницу.

КИРА КАСС

Отбор

Кира Касс

Единственная

«Азбука-Аттикус»

2014

Касс К.

Единственная / К. Касс — «Азбука-Аттикус», 2014 — (Отбор)

Настало время провозгласить победительницу! Ту единственную, которой достанется сердце принца Максона и корона в придачу. Сначала их было тридцать пять. Тридцать пять девушек, борющихся за то, чтобы стать избранницей принца Максона. Очутившись по воле случая в числе девушек, утвержденных для участия в Отборе, Америка и мечтать не могла, что в один прекрасный день окажется в одном шаге от победы. Но чем ближе конец состязания и чем сильнее обостряется обстановка за стенами королевского дворца, тем отчетливей Америка понимает, как много стоит на кону и как ожесточенно придется бороться за будущее, к которому она стремится... Впервые на русском языке!

© Касс К., 2014

© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	23
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Кира Касс Единственная

Kiera Cass

THE ONE

Copyright © 2014 by Kiera Cass

All rights reserved

© И. Тетерина, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Каллауэю, мальчику, который взобрался в домик на дереве в моем
сердце и позволил мне завладеть своим*

Глава 1

Мы в очередной раз корпели над премудростями этикета в Главном зале, когда в окна полетели кирпичи. Элиза немедленно бухнулась на пол и хныча поползла в сторону боковой двери. Селеста с пронзительным визгом бросилась вглубь зала, едва увернувшись от брызнувших во все стороны осколков стекла. Крисс схватила меня за локоть и потащила к выходу.

– Быстрее, девушки! – закричала Сильвия.

Не прошло и нескольких секунд, как гвардейцы уже рассредоточились вдоль окон и принялись отстреливаться. Грохот выстрелов отдавался у меня в ушах. Никого больше не интересовало, вооружены повстанцы камнями или ружьями. Отныне любой, кто отважится сунуться во дворец с воинственными намерениями, должен быть уничтожен. Выносить эти атаки больше не было сил.

– Терпеть не могу бегать на каблуках, – буркнула Крисс.

Подобрав пышные юбки, она сосредоточенно бежала вперед.

– Одной из нас придется к этому привыкнуть, – заметила Селеста, хватая ртом воздух.

Я закатила глаза:

– Если это окажется я, то буду каждый день носить кроссовки. С меня хватит.

– Хватит болтать, бегите давайте! – прикрикнула Сильвия.

– Как нам отсюда спуститься вниз? – спросила Элиза.

– А что будет с Максоном? – выдохнула Крисс.

Сильвия ничего не ответила. Мы спешили за ней по лабиринту коридоров, глядя на бегущих гвардейцев. Я поймала себя на том, что восхищаюсь ими. Какое мужество нужно иметь, чтобы бежать навстречу опасности ради защиты других людей!

Все они были для меня на одно лицо, пока на меня не глянули знакомые зеленые глаза. Аспен не выглядел ни напуганным, ни даже встревоженным. Возникла проблема, и он спешил решить ее. В этом был весь он.

Мы обменялись мимолетными взглядами, но этого было достаточно. С Аспеном так было всегда. Без единого слова, одним неумовимым движением глаз я могла сказать ему: «Будь осторожен, береги себя». А он так же безмолвно отвечал: «За меня не волнуйся, главное, будь сама осторожна».

То, что не требовалось произносить вслух, меня не тревожило. А вот с тем, что уже было высказано, дело обстояло отнюдь не так просто. Наш последний с Аспеном разговор вышел совсем не веселым. Я была уверена, что меня отправят домой, и просила его дать мне время прийти в себя после Отбора. И хотя я осталась во дворце, но так и не удосужилась объяснить ему почему.

Наверное, даже его терпение могло истощиться, даже его способность видеть во мне только лучшее имела предел. Мне необходимо было каким-то образом найти способ вернуть все на круги своя. Я не представляла себе жизни, в которой не будет места Аспену. Даже сейчас, когда все мои чаяния были о том, чтобы Максон выбрал меня, мир без Аспена казался невообразимым.

– Сюда! – позвала Сильвия, нажимая на какую-то одну ей известную панель в стене.

Мы гуськом потянулись вниз по лестнице. Шествие возглавляли Элиза с Сильвией.

– Элиза, черт бы тебя побрал, ты что, не можешь передвигаться быстрее?! – рывкнула Селеста.

Я бы и хотела разозлиться на нее за такие слова, но понимала, что все наши мысли сейчас заняты одним и тем же.

Спускаясь по ступеням в непроглядную тьму, я пыталась смириться с мыслью о долгих часах, которые нам придется потратить впустую, забившись в убежище, точно мыши. Мы шли

вперед, и наши шаги заглушали доносившиеся сверху крики, пока прямо позади нас не раздался мужской голос:

– Стойте!

Мы с Крисс как по команде обернулись и, взглядевшись в темноту, в конце концов различили гвардейскую форму.

– Погодите! – крикнула Крисс девушкам, которые шли впереди. – Это гвардеец.

Мы, тяжело дыша, остановились на ступенях. Наконец гвардеец нагнал нас. Он тоже запыхался.

– Прошу прощения, дамы. Повстанцы обратились в бегство, едва по ним открыли стрельбу. Видимо, были не в настроении драться. Можете возвращаться.

Сильвия оправила одежду и, как старшая, осведомилась:

– Это распоряжение короля? Если нет, вы подвергаете этих девушек серьезной опасности.

– Начальник охраны разрешил. Уверен, его величество...

– Вы не можете говорить от имени короля. Идемте дальше, девушки.

– Вы шутите? – изумилась я. – Чего ради нам туда спускаться?

Сильвия пригвоздила меня взглядом, способным на полном ходу остановить повстанца, и я прикусила язык. За то время, пока она, сама о том не подозревая, своими индивидуальными уроками помогала мне отвлечься от мыслей о Максоне и Аспене, у нас с ней завязалось некоторое подобие дружбы. Моя маленькая выходка в прямом эфире «Вестей» несколько дней назад, казалось, положила ей конец. Обернувшись к гвардейцу, она продолжила:

– Принесите официальный приказ от короля, и мы вернемся. Идемте, девушки.

На лице гвардейца отразилось точно такое же раздражение, как и на моем собственном. Мы двинулись в разные стороны.

Когда ровно через двадцать минут появился другой гвардеец с известием, что мы можем подняться обратно, Сильвия не выказала ни намека на раскаяние.

Это происшествие так вывело меня из себя, что я не стала дожидаться остальных. Вбежав по лестнице, я выбралась где-то на первом этаже и поспешила к себе в комнату. Туфли я по-прежнему держала в руках. Моих горничных нигде не было видно, но на постели я обнаружила серебряный поднос, на котором лежало письмо.

Я сразу же узнала почерк Мэй и, торопливо разорвав конверт, принялась жадно читать.

Амес,

мы с тобой теперь тетушки! Мальшика Астра – настоящее чудо. Жаль, ты не можешь познакомиться с ней лично, но мы все понимаем, что сейчас ты должна быть во дворце. Думаешь, нам удастся повидаться на Рождество? Осталось уже не так долго! Ну все, мне нужно помогать Кенне с Джеймсом. Какая же мальшика все-таки хорошенькая, просто сил никаких нет! Посылаю тебе фотографию. Мы все тебя любим!

Мэй

Я вытащила из конверта глянцевый снимок. На нем была запечатлена вся наша семья в полном составе, за исключением меня и Коты. Джеймс, муж Кенны, сиял, стоя рядом с женой и крохотной дочкой. Кенна сидела в постели с розовым свертком на руках; лицо у нее было счастливое и усталое одновременно. Мама с папой лучились гордостью, а восторгу Мэй с Джеймсом не было предела. Кота, разумеется, не пришел бы. Какая ему в том была выгода? А вот я должна была там присутствовать.

Но не присутствовала.

Потому что торчала во дворце. И порой сама задавалась вопросом, что я здесь делаю. Максон по-прежнему не отходил от Крисс, и это несмотря на все, что ему пришлось выне-

сти ради того, чтобы меня не исключили. Непрекращающиеся набег повстанцев подтачивали ощущение безопасности извне, а ледяная холодность короля подрывала мою уверенность изнутри. Где-то поблизости постоянно маячил Аспен – тайна, которую я обязана была хранить. И никакой возможности скрыться от камер, похищающих мгновения нашей жизни на потребу публике. Я чувствовала себя так, словно меня обложили со всех сторон, а все, что было для меня важно в прошлой жизни, проходило мимо.

Я проглотила злые слезы. Сколько можно плакать?!

Вместо этого я погрузилась в размышления. Единственным способом все исправить было довести Отбор до конца.

Хотя я порой по-прежнему сомневалась в том, что хочу быть принцессой, сомнений в том, что я хочу принадлежать Максону, у меня не было. Если я хочу, чтобы это когда-нибудь произошло, нельзя сидеть сложа руки и ждать у моря погоды. Мне вспомнился мой последний разговор с королем, и я принялась расхаживать по комнате туда-сюда в ожидании служанок.

Я с трудом дышала, так что никакая еда сейчас все равно не полезла бы в горло. Да и бог с ней. Мне необходимо было упрочить свои позиции, причем сделать это следовало в самые короткие сроки. Если верить королю, другие девушки уже предпринимали попытки сблизиться с Максоном – в физическом смысле, – а я, по его словам, обладала слишком невзрачной внешностью, чтобы тягаться с ними в этом плане. Мои отношения с Максоном и без того были достаточно запутанными, а теперь еще к этому добавилась необходимость восстанавливать доверие. И я не знала, стоит задавать ему вопросы или нет. И хотя я была совершенно уверена в том, что он не зашел настолько далеко с другими девушками, меня все равно мучили сомнения. Я никогда не пыталась обольстить Максона сознательно – практически все наши с ним интимные моменты случались спонтанно, – но мне оставалось лишь надеяться, что, если я сделаю это нарочно, до него дойдет, что я интересуюсь им не меньше остальных.

Я собрала с духом, вскинула подбородок и твердой походкой вошла в обеденный зал. Я намеренно припозднилась на минуту или две в надежде, что все уже рассядутся. В этом отношении мои расчеты вполне оправдались. А вот произведенный эффект превзошел все ожидания.

Я присела в реверансе, выставив ногу так, что разрез разъехался, почти целиком открыв взглядам бедро. На мне было темно-красное платье, оставлявшее обнаженными плечи и практически всю спину. Похоже, моим горничным пришлось прибегнуть к магии, чтобы заставить его держаться на мне. Распрямившись, я устремила обжигающий взгляд на Максона, который, как я успела заметить, перестал жевать. Кто-то уронил вилку.

Опустив глаза, я прошествовала на свое место и села на стул рядом с Крисс.

– Америка, ты в своем уме? – прошептала та.

Я покосилась на нее и изобразила непонимание:

– Ты о чем?

Она отложила нож и вилку, и мы посмотрели друг на друга.

– Ты выглядишь вульгарно.

– Ревнуешь? Ревнуй молча.

Видимо, я попала в точку, потому что она слегка покраснела и уткнулась в тарелку. Я принялась ковырять свою еду, хотя едва ли была в состоянии что-либо проглотить. Когда передо мной поставили десерт, я решила, что пора прекратить демонстративно не замечать Максона. Как я и надеялась, он буквально поедал меня взглядом. Его пальцы немедленно коснулись мочки уха – наш условный знак! – и я чинно повторила его жест. Украдкой посмотрев на короля Кларксона, я с трудом удержалась от улыбки. Моя маленькая выходка явно вызвала у него раздражение, но формально придраться было не к чему.

Под каким-то предлогом я вышла из-за стола первой, дав Максону возможность полюбоваться моей голой спиной, и поспешила к себе. Оказавшись в своей комнате, я торопливо расстегнула молнию на платье и наконец обрела возможность дышать.

– Ну, как все прошло? – бросилась ко мне Мэри.

– Он был сражен наповал. И все остальные тоже.

Люси взвизгнула от восторга, а Энн поспешила на помощь Мэри.

– Мы будем придерживать платье, а вы просто идите вперед, – распорядилась она. Я подчинилась. – Он придет вечером?

– Да. Не знаю точно когда, но он определенно здесь будет.

Кое-как я пристроилась на краешке кровати, придерживая на животе расстегнутое платье, чтобы не свалилось.

Энн сочувственно посмотрела на меня:

– Придется вам еще несколько часиков потерпеть. Но я уверена, ваши страдания окупятся сторицей.

Я улыбнулась, пытаюсь сделать вид, что мне ничуть не больно. Я сказала горничным, что хочу привлечь внимание Максона. Но упоминать о том, что, если удача будет на моей стороне, это самое платье очень скоро окажется на полу, не стала.

– Нам посидеть с вами, пока он не появится? – с энтузиазмом предложила Люси.

– Не надо. Только помогите застегнуть эту штуку обратно. Мне нужно кое-что обдумать, – ответила я и встала с кровати, чтобы они могли мне помочь.

Мэри взялась за молнию:

– Втяните живот, мисс.

Я повиновалась, и когда платье вновь туго обхватило меня, на ум мне пришло сравнение с солдатом, готовящимся к бою. Броня другая, но идея та же.

Сегодня вечером мне предстояло взять кое-кого в плен.

Глава 2

Я распахнула ведущие на балкон двери и впустила в комнату свежий воздух. Хотя на дворе стоял декабрь, легкий ветерок приятно щекотал кожу. Нас теперь совсем перестали выпускать за пределы дворца без охраны, так что приходилось довольствоваться этим.

Я поспешно обошла комнату, зажгла везде свечи и попыталась создать романтическую обстановку. Тут в дверь постучали, и я задула спичку, бросилась на кровать, схватила первую попавшуюся под руку книжку и торопливо расправила складки платья. «Ну разумеется, Максон, я всегда так выгляжу, когда читаю».

– Войдите, – произнесла я едва слышно.

На пороге появился Максон, и я грациозно подняла голову. Принц обвел взглядом погруженную в полумрак комнату, и в его глазах промелькнуло изумление. Наконец он обратил внимание на меня, лежащую в соблазнительной позе на постели.

– А, это ты. – Я захлопнула книгу и поднялась ему навстречу.

Он прикрыл за собой дверь и подошел ближе, не сводя с меня глаз:

– Я хотел тебе сказать, что сегодня ты просто фантастически выглядишь.

Я перекинула волосы через плечо:

– Ты про платье? Вот, завалилось где-то в углу шкафа.

– Очень рад, что ты извлекла его оттуда.

Я сплела свои пальцы с его пальцами:

– Посиди со мной рядышком. В последнее время мы с тобой почти не видимся.

– Прости, – вздохнул он. – С тех пор как мы потеряли столько народу во время нападения, ситуация обострилась, а ты же знаешь моего отца. Мы отправили нескольких гвардейцев охранять ваши семьи, это ослабило охрану дворца, так что он совсем как с цепи сорвался. К тому же он насаждает на меня, чтобы я скорее заканчивал Отбор, но я пока держусь. Мне нужно еще какое-то время, чтобы все хорошо обдумать.

Мы присели на край постели, и я придвинулась к нему:

– Ну разумеется. Тут последнее слово за тобой.

– Вот именно, – кивнул Максон. – Знаю, я уже сто раз это говорил, но я терпеть не могу, когда на меня давят.

– Я в курсе, – надула я губки.

Он помолчал. Его лицо было непроницаемо. Я пыталась сообразить, как приступить к исполнению своего плана, не проявляя излишнего напора, но не очень понимала, как подстроить романтический момент.

– Послушай, я понимаю, что это глупо, но сегодня мои служанки надушили меня новыми духами. Не слишком резкий запах? – спросила я, подставляя ему шею, чтобы он мог наклониться и понюхать.

Он придвинулся ко мне и провел носом по нежной коже.

– Нет, моя дорогая, пахнет замечательно, – произнес он в ложбинку между шеей и плечом. Потом коснулся губами моей кожи.

Силясь сосредоточиться, я сглотнула. Терять голову было нельзя.

– Рада, что тебе нравится. Я очень по тебе скучала.

Я почувствовала, как его рука скользнула по моей талии, и опустила голову. Как я и ожидала, его взгляд был устремлен на меня, наши губы разделяли считанные миллиметры.

– Сильно скучала? – выдохнул он.

Его взгляд в сочетании с низким голосом вытворял какие-то странные штуки с моим сердцем.

– Очень, – прошептала я в ответ. – Очень-очень.

Я всем телом подалась вперед, изнемогая от желания ощутить его губы. Максон уверенно притянул меня к себе одной рукой, а другую запустил в мои волосы. Мне хотелось раствориться в этом поцелуе, но платье нещадно впивалось в бока. И тут, внезапно снова разволновавшись, я вспомнила о своем плане.

Перехватив руки Максона, я направила их к молнии на спине платья, надеясь, что этого будет достаточно.

Его пальцы на миг замешкались, и я уже готова была попросить его расстегнуть платье, когда он расхохотался как сумасшедший.

Этот звук немедленно отрезвил меня.

– Что тебя так насмешило? – помертвев, спросила я.

Неужели у меня пахнет изо рта?

– Изо всего, что ты успела выкинуть до сих пор, это самое забавное! – Максон согнулся пополам и хлопнул себя по коленке.

– Прошу прощения?

– Мне всегда было очень любопытно посмотреть, как это выглядело бы в твоём исполнении. – Он снова рассмеялся. – Извини, мне нужно идти. – Он весь прямо-таки излучал веселье. – Увидимся утром.

С этими словами он ушел. Взял и ушел!

А я осталась сидеть на постели, совершенно уничтоженная морально. Как я вообще могла возомнить, что мне под силу повернуть это? Может, Максон и не знал обо мне всей правды, но мой характер он успел изучить отлично. Еще бы он меня не раскусил.

Я оглядела дурацкое платье. Оно и в самом деле было слишком откровенным. До такого не докатилась бы даже Селеста. Слишком безупречная прическа, слишком яркий макияж. Он понял, что я затеяла, в ту же самую секунду, как только переступил через порог. Я со вздохом принялась обходить комнату, гася свечи и с ужасом представляя, как завтра буду смотреть ему в глаза.

Глава 3

Я подумывала сослаться на расстройство желудка. Или на адскую головную боль. Или на паническую атаку. На что угодно, лишь бы не идти на завтрак.

Потом я вспомнила Максона и его слова о том, что надо всегда держать лицо. Это никогда не было моей сильной стороной. Но если я хотя бы спущусь вниз, если я найду в себе силы присутствовать, быть может, он запишет это мне в плюс.

В надежде хотя бы отчасти загладить свою вчерашнюю выходку я попросила служанок принести самое скромное платье, какое они только смогут найти в моем гардеробе. Те поняли все с полуслова и не стали расспрашивать о вчерашнем вечере. У платья оказался более глухой ворот, чем мы обычно носили в теплом анджелесском климате, а рукава доходили практически до локтя. Цветастое и веселенькое, оно резко контрастировало с моим вчерашним нарядом.

Когда я переступила порог обеденного зала, мне стыдно было смотреть Максону в глаза, но я, по крайней мере, шла с высоко поднятой головой.

Когда же наконец я отважилась бросить взгляд в его сторону, то увидела, что он смотрит на меня и весело улыбается. Положив в рот очередной кусок, он подмигнул мне, и я поспешно уткнулась в тарелку, притворившись, что всецело занята пирогом.

– Рада, что ты сегодня оделась по-человечески, – бросила Крисс.

– Рада, что ты сегодня в таком хорошем настроении.

– Какая муха тебя укусила? – прошипела она.

Я была так подавлена, что у меня не было сил пикироваться.

– Я не в настроении играть в эти игры, Крисс. Оставь меня в покое.

На мгновение мне показалось, что она готова огрызнуться, но потом, видимо, решила, что я того не стою. Крисс распрямила спину и продолжила есть. Если бы моя вчерашняя затея увенчалась хоть каким-нибудь успехом, я могла хоть как-то оправдать свои действия; сейчас же мне даже нечем было гордиться.

Я отважилась бросить еще один взгляд на Максона, и хотя он больше не смотрел на меня, его лицо по-прежнему сохраняло самодовольное выражение. Это стало последней каплей. Я не намерена была выносить это весь день. Я уже собиралась изобразить обморок, схватиться за живот или сделать еще что-нибудь такое, что позволило бы мне уйти к себе, когда вошел лакей. На серебряном подносе он нес конверт, который с поклоном положил перед королем Кларксоном.

Король распечатал письмо и быстро пробежал его глазами.

– Чертовы французы, – буркнул он. – Прости, Эмберли, похоже, мне придется уехать. У меня есть не больше часа.

– Опять проблемы с торговым соглашением? – негромко спросила она.

– Да. Я считал, что мы давным-давно обо всем договорились. Придется проявить твердость. – Он поднялся, швырнул смятую салфетку в тарелку и направился к двери.

– Отец! – окликнул его Максон. – Ты что, не берешь меня с собой?

Мне показалось странным, что король, вопреки своему обыкновению, не велел сыну следовать за ним. Вместо этого он обернулся к Максону и бросил на него ледяной взгляд.

– Когда научишься вести себя, как подобает королю, тогда и поговорим, – бросил он резким тоном и, ни слова больше не говоря, вышел.

Некоторое время Максон стоял молча, смущенный тем, что его при всех отчитали, как мальчишку. Потом опустил на свое место и обернулся к матери.

– Честно говоря, не очень-то и хотелось, – пошутил он, снимая напряжение.

Королева вымученно улыбнулась, все остальные предпочли никак не реагировать.

Покончив с завтраком, большинство девушек удалились в Женский зал. Когда за столом остались лишь Максон и мы с Элизой, я вскинула на него глаза. Мы оба одновременно потянули себя за уши и улыбнулись. Наконец Элиза тоже вышла, и мы встретились посреди зала, не обращая внимания на снующих вокруг лакеев и служанок, занятых уборкой.

– Это из-за меня он не взял тебя с собой, – вздохнула я.

– Не исключено, – поддразнил меня он. – Поверь, не в первый раз он пытается поставить меня на место, и в его понимании у него на то может быть миллион веских причин. Не удивлюсь, если он сделал это исключительно со злости. Ему не хочется лишаться власти, а чем ближе я подхожу к тому, чтобы выбрать себе жену, тем реальнее для него становится эта перспектива. Хотя мы оба знаем, что он никогда не уступит мне ее полностью.

– С таким же успехом ты можешь отправить меня домой прямо сейчас. Он все равно ни за что не позволит тебе выбрать меня.

Я так и не рассказала Максону о том, как его отец пытался запугать меня, после того как Максон уговорил его не исключать меня из Отбора. Но мне претила сама необходимость скрывать это от Максона.

– И потом, – добавила я, скрестив руки на груди, – после вчерашнего ты не так уж сильно жаждешь меня оставить.

Он закусил губу:

– Прости, что засмеялся, но как еще, по-твоему, я должен был реагировать?

– Была масса вариантов, – пробормотала я, все еще испытывая неловкость за свою попытку соблазнить его. – Я чувствую себя полной дурой. – Я закрыла лицо руками.

– Прекрати, – сказал он ласково и обнял меня. – Можешь мне поверить, искушение было очень велико. Просто ты не такая девушка.

– Но разве я не должна быть такой? Разве это не должно быть частью наших отношений? – проскулила я, уткнувшись ему в грудь.

– Неужели ты забыла ту ночь в убежище? – тихо произнес он.

– Не забыла, но тогда мы оба считали, что прощаемся навсегда.

– Это было бы фантастическое прощание.

Я отступила назад и ткнула его кулаком. Он засмеялся, радуясь тому, что мне стало легче.

– Давай будем считать, что ничего не было, – предложила я.

– Хорошо, – согласился Максон. – К тому же нам с тобой надо поработать над одним совместным проектом.

– В самом деле?

– Да, и раз уж отец так кстати уехал, сейчас самое время начать мозговой штурм.

– Ладно, – сказала я, радуясь возможности поучаствовать в чем-то, что будет нашим секретом.

Он вздохнул, и я тут же заволновалась. Что он задумал?

– Ты права. Отец тебя не одобряет. Но, возможно, он вынужден будет уступить, если нам с тобой удастся проверить одну штуку.

– Какую штуку?

– Мы должны сделать тебя народной любимицей.

– Максон, это невозможно. Я видела результаты опроса общественного мнения в одном из журнальчиков Селесты после того, как пыталась спасти Марли. Люди меня не переносят.

– Взгляды меняются. Не стоит так расстраиваться из-за одного-единственного опроса.

Затея по-прежнему казалась мне безнадежной, но что я могла сказать. Если это мой единственный шанс, то нужно хотя бы попытаться.

– Так и быть, – согласно кивнула я. – Только предупреждаю тебя: ничего у нас не выйдет.

С озорной улыбкой он приблизился ко мне вплотную и поцеловал долгим неспешным поцелуем:

– А я говорю – выйдет.

Глава 4

Я вошла в Женский зал, но мысли мои крутились вокруг нового плана Максона. Королева еще не появилась, и девушки, столпившись у окон, со смехом что-то обсуждали.

– Америка, иди сюда! – настойчиво позвала меня Крисс.

Даже Селеста обернулась и с улыбкой замахала мне рукой, чтобы я подошла ближе.

Я слегка встревожилась, но все-таки подошла к ним.

И немедленно завизжала:

– О господи!

– Да уж, – вздохнула Селеста.

В саду, раздевшись до пояса, носилась кругами добрая половина дворцовой гвардии. Аспен рассказывал, что время от времени всем гвардейцам делали уколы, от которых росли мускулы, но, видимо, они сами тоже прикладывали массу усилий к тому, чтобы поддерживать себя в форме.

Мы все были преданы Максону, но равнодушно смотреть на такую уйму симпатичных молодых мужчин было выше наших сил.

– Посмотрите только на того блондинчика! – воскликнула Крисс. – Во всяком случае, мне кажется, что он блондин. Их стригут под ноль!

– А мне нравится этот, – произнесла Элиза негромко, глядя на другого гвардейца, который как раз пробежал мимо нашего окна.

– Боже мой, чем мы занимаемся! – захихикала Крисс.

– Ух ты! Взгляните, какой красавчик! Вон тот, зеленоглазый! – восхитилась Селеста, указывая на Аспена.

– Я танцевала с ним на Хеллоуин, – вздохнула Крисс. – Он настолько же забавен, насколько и красив.

– Я тоже с ним танцевала, – похвасталась Селеста. – По-моему, он самый роскошный гвардеец во дворце.

Я подавила смешок. Интересно, что бы она запела, если бы узнала, что раньше он был Шестеркой?

Я смотрела, как он бежит, и вспоминала о тех сотнях раз, когда его руки обнимали меня. Мы неумолимо отдалялись друг от друга, и поделаться тут, похоже, ничего было нельзя, но даже сейчас я задавалась вопросом: можно ли найти способ сохранить хотя бы частицу того, что было у нас с ним? А вдруг я не смогу без него?

– А ты что скажешь, Америка? – спросила Крисс.

Кроме Аспена, никто из них мне особенно не приглянулся, но признаваться в этом после приступа тоски по нему не хотелось.

– Не знаю, что и сказать, – уклончиво отозвалась я. – Они все симпатичные.

– Симпатичные? – переспросила Селеста. – Да ты шутишь! Они все тут как на подбор красавцы, каких даже мне нечасто доводилось видеть.

– По-моему, это самые обычные ребята, просто без рубашек, – возразила я.

– Ну да, почему бы тебе не полюбоваться ими немного, пока есть возможность. Потом ведь придется пялиться только на нас троих, – сварливо сказала она.

– Подумаешь! Максон без рубашки выглядит ничуть не хуже.

– Что?! – ахнула Крисс.

До меня не сразу дошло, что я ляпнула. Три пары глаз разом уставились на меня.

– И когда же вы с Максоном успели продемонстрировать друг другу свои торсы без рубашек? – язвительно осведомилась Селеста.

– Я ничего не демонстрировала!

– Значит, демонстрировал он? – спросила Крисс. – Так вот ради чего ты вчера вечером вырядилась в это непотребное платье?

– Вот шлюха! – ахнула Селеста.

– Я бы попросила! – возмутилась я.

– А какой еще реакции ты ожидала? – скрестив руки на груди, огрызнулась она. – Давай выкладывай, как все было и почему мы ошибаемся.

Как я могла объяснить им это? Обстоятельства, при которых Максон предстал передо мной без рубашки, нельзя было назвать романтическими, но не объяснять же им, что мне пришлось обрабатывать раны у него на спине, которые нанес ему его собственный отец? Это была тайна, которую он хранил ото всех. Если я сейчас его выдам, нашим отношениям конец.

– И это говорит девушка, которая тискалась с ним по углам в коридоре в полуголом виде? – бросилась я в атаку вместо того, чтобы оправдываться.

У нее отвисла челюсть.

– Откуда ты узнала?

– Вы что, все успели раздеться перед Максоном? – ужаснулась Элиза.

– Да не раздевались мы! – заорала я.

– Так, – начала Крисс, выставляя вперед обе руки, – давайте-ка проясним ситуацию. Кто и чем занимался с Максоном?

Все умолкли. Никому не хотелось быть первой.

– Я с ним целовалась, – наконец подала голос Элиза. – Три раза. Это все.

– Я с ним ни разу не целовалась, – призналась Крисс. – Но это был мой собственный выбор. Он поцеловал бы меня, если бы я позволила ему.

– В самом деле? Ни единого раза? – поразила Селеста.

– Ни единого раза.

– Ну а я целовалась с ним много раз. – Селеста перекинула волосы за спину, решив, видимо, что лучше этим гордиться, а не смущаться. – Круче всего было однажды в коридоре. – Она одарила меня взглядом. – Мы еще шептались, как это волнующе, что нас могут застать в любой миг.

Наконец все взгляды обратились на меня. Мне вспомнилось, как король намекнул, что остальные девушки обладают намного большей свободой нравов, нежели я. Но теперь я знала, что это всего лишь одно из средств в его арсенале, способ заставить меня почувствовать себя ничтожеством. Я решила раскрыть карты.

– Первый поцелуй Максона был со мной, а не с Оливией. Просто я не хотела, чтобы кто-то об этом знал. А потом у нас было еще несколько... более интимных моментов. В один из них Максон оказался без рубашки.

– Вот так взял и оказался? Она что, сама слетела с него магическим образом? – съязвила Селеста.

– Он ее снял, – призналась я.

Неудовлетворенная этим ответом, Селеста продолжала наседать:

– Он сам ее снял или ты помогла?

– По-моему, мы сделали это вдвоем.

Повисла напряженная тишина. Потом Крисс снова заговорила:

– Хорошо, теперь мы выяснили расклад сил.

– И каков же этот расклад? – поинтересовалась Элиза.

Никто ничего не ответил.

– Я просто хотела сказать... – начала я. – Каждый из этих моментов был для меня очень важен. Максон мне безразличен.

– Ты намекаешь, что нам всем он безразличен? – вскинулась Селеста.

– Ну, тебе-то уж точно.

– Да как ты смеешь?

– Селеста, ни для кого не секрет, что тебе нужен человек с положением. Я уверена, что Максон тебе нравится, но ты его не любишь. Твоя цель – корона.

Она не стала ничего отрицать, а обернулась к Элизе:

– А ты что нам скажешь? Ни разу не видела, чтобы ты проявила хотя бы какое-то подобие эмоций!

– Просто я умею держать себя в руках. И тебе тоже очень рекомендую, – парировала Элиза без заминки. В ее глазах промелькнул гнев, и я ощутила к ней мгновенную симпатию. – В моей семье браки детей всегда устраивали родители. Я знала, что меня ждет, с самого детства. Может, я и не схожу по Максону с ума, но я уважаю его. Любовь может прийти со временем.

– Как-то это печально, Элиза, – с сочувствием в голосе произнесла Крисс.

– Вовсе нет. Есть в жизни вещи и поважнее любви.

Мы все уставились на Элизу. В ушах у меня звучали ее слова. Я боролась за свою семью ради любви, и за Аспена тоже. И теперь с каким-то страхом я поняла: когда дело касалось Максона, я всегда – даже если делала безнадежные глупости – действовала под влиянием этого чувства. И тем не менее вдруг в самом деле в жизни есть что-то важнее?

– Ладно, тогда я произнесу это вслух: я люблю его! – выпалила Крисс. – Я люблю его и хочу за него замуж.

Это откровение вернуло меня к нашей дискуссии, и мне страстно захотелось провалиться под землю. Господи, ну и кашу я заварила!

– Так, Америка, теперь выкладывай ты, – приказала Селеста.

Я застыла, едва дыша. Правильные слова пришли на язык не сразу.

– Максон знает, какие чувства я к нему испытываю, и это главное.

Селеста закатила глаза, но дальше выпытывать не стала. Без сомнения, испугалась, что, если она станет настаивать, я заплачу ей той же монетой.

Стоя у окна, мы исподтишка поглядывали друг на друга. Отбор тянулся уже несколько месяцев, и лишь сейчас нам всем наконец-то открылось реальное положение вещей. Каждая из нас получила возможность узнать, как обстоят дела с Максоном у остальных – по крайней мере, в определенной области, – и выстроить для себя общую картину.

Не прошло и нескольких секунд, как в зал вошла королева. Она пожелала всем доброго утра, и мы, присев перед ней, разбрелись по углам. Каждой необходимо было побыть в одиночестве и собраться с мыслями. Наверное, так все и должно было закончиться. Нас было четыре девушки на одного принца, и трем в самом ближайшем времени предстояло отправиться домой, увозя с собой лишь немногим больше, нежели захватывающую историю о том, как мы провели осень.

Глава 5

Ломая руки, я расхаживала взад-вперед по библиотеке в попытке подобрать слова. Нужно было объяснить Максону то, что произошло, пока он не услышал об этом от других девушек, но я вовсе не горела желанием поскорее начать этот разговор.

– Тук-тук, – произнес Максон, появляясь на пороге, и немедленно заметил мое озабоченное выражение. – Что случилось?

– Только не сердись, – начала я.

Он замедлил шаг, и встревоженное выражение лица сменилось настороженным.

– Попытаюсь.

– Девушки в курсе, что я видела тебя без рубашки. – Заметив промелькнувший в его глазах вопрос, я торопливо поклялась: – Я ни слова не сказала про твою спину. Но мне очень хотелось, потому что теперь они считают, что мы с тобой занимались черт знает чем.

– Ну, примерно так оно и было, – улыбнулся он.

– Тебе-то хорошо шутки шутить! Они теперь меня ненавидят.

– Если это хоть немного утешит тебя, я не сержусь. Если ты не выдала мой секрет, ничего страшного не произошло. Но, должен признаться, я немного ошарашен, что ты так с ними разоткровенничалась. Каким образом эта тема вообще всплыла?

– Я не могу тебе сказать, – уткнувшись ему в грудь, ответила я.

– Гм. – Максон провел большим пальцем по моей спине. – Если я не ошибаюсь, мы договорились больше доверять друг другу.

– Ну да. Вот я и прошу тебя поверить мне, когда я говорю, что тебе лучше об этом не знать.

Может, я и ошибалась, но почему-то казалось, что, если я признаюсь Максону, что мы разглядывали полуголых разгоряченных гвардейцев, ничего хорошего нам всем это не сулит.

– Ну что ж, – сказал он. – Теперь девушки знают, что ты видела меня полураздетым. Что еще им известно?

Я замялась:

– Они знают, что твой первый поцелуй был со мной. А я знаю, чем ты занимался и чем не занимался с каждой из них.

– Что?! – отшатнулся он.

– После того как я проболталась, что видела тебя без рубашки, посыпались взаимные обвинения, ну и в конце концов все раскрыли карты. Я в курсе, что вы с Селестой много целовались и что ты уже давно поцеловал бы Крисс, если бы она тебе позволила. Все всплыло наружу.

Он провел ладонью по лицу и принялся мерить шагами библиотеку, переваривая услышанное.

– Значит, у меня теперь вообще не осталось личного пространства? Нисколько? Потому что вы решили поделиться друг с другом достижениями? – Максон был явно раздосадован.

– Знаешь, раз уж ты так ратуешь за честность во всем, ты должен быть мне благодарен.

Он остановился как вкопанный и уставился на меня:

– Прошу прощения?

– Теперь игра идет в открытую. Каждая из нас понимает расклад сил, и я лично этому рада.

– Рада? – Он закатил глаза.

– Если бы ты сказал мне, что мы с Селестой в отношениях с тобой зашли примерно одинаково далеко, я ни за что не стала бы пытаться сделать то, что сделала вчера вечером. Знаешь, как унижительно это было?

– Америка, я тебя умоляю, – фыркнул он. – С учетом того, сколько глупостей ты успела наговорить и наделать за все время, просто удивительно слышать, что ты еще способна испытывать неловкость.

Меня никогда специально не учили выражать свои мысли, наверное, поэтому я не сразу поняла подтекст его слов. Я всегда нравилась ему, по крайней мере, он сам так говорил. Я нравилась ему вопреки общественному мнению обо мне. Выходит, и вопреки его собственному мнению?

– Пожалуй, я пойду, – произнесла я тихо, избегая смотреть ему в глаза. – Прости, что проболталась о том, что видела тебя без рубашки.

Я пошла к двери, чувствуя себя такой ничтожной, что не удивилась бы, если бы он не заметил моего ухода.

– Хватит, Америка. Я не имел в виду, что...

– Ничего, я не обиделась, – пробормотала я. – В следующий раз буду думать, что говорю.

Я поднялась к себе, не зная, хоча ли, чтобы Максон попытался меня остановить, или нет.

Он не попытался.

В комнате Мэри, Люси и Энн перестилали мою постель и вытирали пыль.

– Добрый день, миледи, – поздоровалась со мной Энн. – Хотите чая?

– Нет, я пойду немного посижу на балконе. Если кто-нибудь придет, скажите, что я отдыхаю.

Энн слегка нахмурилась, но все же кивнула:

– Конечно.

Я немного посидела на свежем воздухе, потом прочитала кое-какие материалы, которые подготовила для нас Сильвия. Вздремнув, я довольно долго играла на скрипке. Мне, в сущности, было все равно, чем заниматься, если это давало возможность не видаться с другими девушками и с Максоном.

Когда король бывал в отъезде, нам разрешали брать еду в свои комнаты, чем я и пользовалась. Я ела цыпленка, когда в дверь постучали. Меня охватила совершенно иррациональная уверенность, что это Максон. А сейчас я никак не могла показаться ему на глаза. Вцепившись в Мэри и Энн, я бросилась в ванную.

– Люси, – прошептала я. – Скажи ему, что я принимаю ванну.

– Ему? Ванну?

– Да. Не впускай его в комнату.

– Что случилось? – забеспокоилась Энн, когда я закрыла дверь и припала к ней ухом.

– Вы что-нибудь слышите? – спросила я.

Обе тоже прильнули к двери, пытаясь что-нибудь разобрать.

До меня донесся приглушенный голос Люси, но потом я догадалась приложить ухо к щели между дверью и косяком, и разговор стал намного разборчивее.

– Она принимает ванну, ваше высочество, – спокойно произнесла Люси.

Это действительно был Максон.

– Вот как. Я надеялся, что она еще не закончила есть. Подумал, что мы могли бы поужинать вместе.

– Она решила принять ванну перед ужином.

Мне послышалась в ее голосе маленькая заминка. Очевидно, от необходимости говорить неправду ей было не по себе.

«Давай, Люси. Держи себя в руках».

– Ясно. Что ж, когда выйдет, передай ей, чтобы зашла ко мне. Я хотел бы с ней поговорить.

– Э-э... Боюсь, она там очень надолго, ваше высочество.

Максон помолчал.

– А-а. Ладно. Тогда передай ей, пожалуйста, что я заходил и просил ее послать за мной, если она захочет поговорить. Пусть не волнуется, если это будет поздно, я все равно приду.

– Да, сир.

Повисло долгое молчание, и я уже совсем было решила, что он ушел.

– Э-э... Спасибо, – произнес он наконец. – Доброй ночи.

– Доброй ночи, ваше высочество.

Еще несколько секунд я стояла за дверью, чтобы убедиться, что он точно ушел. Когда наконец я вышла из ванной, Люси все еще держалась за ручку двери. Я обвела взглядом слуганок. В глазах всех троих застыло вопросительное выражение.

– Просто сегодня мне хочется побыть в одиночестве, – пояснила я уклончиво. – Что-то я устала. Если вы унесете поднос, я прямо сейчас лягу в постель.

– Хотите, кто-нибудь из нас останется с вами? – предложила Мэри. – На тот случай, если вы решите послать за его высочеством?

Лица всех трех были полны надежды, но я вынуждена была спустить их с небес на землю.

– Нет, мне нужно отдохнуть и прийти в себя. Я поговорю с принцем завтра утром.

Странно было ложиться в постель, зная, что между мной и Максоном висит что-то недосказанное, но я просто не понимала, как сейчас вести себя с ним. Все шло не так. Мы с ним пережили уже столько взлетов и падений, столько попыток вдохнуть в наши отношения жизнь, но было совершенно ясно, что, если мы действительно хотим этого добиться, впереди у нас еще очень долгий путь.

За окном было еще темно, когда меня грубо выдернули из сна. В комнату хлынул свет из коридора, и я принялась тереть глаза, глядя на вошедшего гвардейца.

– Леди Америка, проснитесь, пожалуйста, – сказал он.

– Что случилось? – спросила я, зевая.

– Срочное дело. Вас ждут внизу.

Я немедленно похолодела. Мои родные мертвы; я была совершенно уверена в этом. Мы приставили к ним охрану, мы предупредили своих домашних об опасности, но повстанцев было слишком много. Так уже случилось с Натали. Она покинула Отбор после того, как повстанцы расправились с ее младшей сестренкой. Наши семьи больше не были в безопасности.

Я отбросила одеяло и потянулась за халатом и шлепанцами. Потом выскочила в коридор и побежала по лестнице, два раза едва не поскользнувшись на ступеньках.

Очутившись на первом этаже, я увидела Максона, который настойчиво втолковывал что-то гвардейцу. Я бросилась к нему, совершенно забыв о событиях последних двух дней.

– Что с ними? – спросила я, сиюсь сдержать слезы. – Все плохо?

– Что? – переспросил он и неожиданно обнял меня.

– Мои родные... Они живы?

Максон поспешно отстранил меня от себя и заглянул в мои глаза.

– Они живы и здоровы, Америка. Прости, я не сообразил, что эта мысль первой придет тебе в голову.

От облегчения я едва не разрыдалась.

Максон с замешательством в голосе продолжал:

– Во дворце повстанцы.

– Что?! – вскрикнула я. – Почему мы не идем в убежище?

– Они здесь не для того, чтобы напасть.

– А зачем они тогда здесь?

– Их всего двое, северяне, – вздохнул он. – Они не вооружены и утверждают, что пришли поговорить со мной... и с тобой.

– Зачем им я?

– Не знаю, но собираюсь с ними поговорить. Я подумал, что должен дать такую возможность и тебе тоже.

Я оглядела себя и провела рукой по волосам:

– Но я же в ночной рубашке.

– Ничего страшного, разговор будет неофициальный, – улыбнулся он.

– И ты хочешь, чтобы я с ними поговорила?

– Окончательное решение за тобой, но мне очень любопытно, зачем им понадобилась именно ты. Не уверен, что они скажут об этом, если ты не придешь.

Я кивнула, пытаюсь взвесить все «за» и «против». По правде говоря, разговаривать с ними мне не очень хотелось. Вооруженные или нет, они были куда опаснее, чем я. Но если Максон считал, что я могу это сделать, наверное, надо было...

– Ладно, – сказала я, собираясь с духом. – Хорошо.

– Ни один волос не упадет с твоей головы, Америка. Даю тебе слово. – Его рука по-прежнему лежала поверх моей, и он слегка сжал мои пальцы. Потом обратился к гвардейцу: – Веди нас. Только на всякий случай держи оружие наготове.

– Разумеется, ваше высочество, – отозвался тот и повел нас по коридору в Главный зал, где в окружении других гвардейцев стояли два человека.

В считанные секунды я различила среди них Аспена.

– Можете убраться собак? – попросил один из повстанцев.

Высокий, стройный и светловолосый парень. Его сапоги облеплены грязью, костюм словно позаимствован у кого-нибудь из Семерок: грубые штаны, ушитые так, чтобы сидели в обтяжку, и латаная-перелатаная рубаша, поверх которой была надета потертая кожаная куртка. На шее у парня на длинной цепочке висел ржавый компас, покачивавшийся при каждом движении. Словом, вид у него был суровый, но не страшный. Я этого не ожидала.

Но еще большей неожиданностью для меня стало то, что его сопровождала девушка. На ней были леггинсы и юбка, сшитая из такого же грубого материала, что и штаны ее спутника, а еще сапоги, однако выглядел ее наряд так, будто она попыталась сочетать в нем практичность и моду. И хотя повстанцев окружали гвардейцы, девушка стояла, дерзко подбоченясь. Даже если бы я не вспомнила ее лица, не узнать куртку было невозможно. Это была та самая джинсовая куртка, расшитая десятками мелких цветочков.

Убедившись, что я ее вспомнила, девушка сделала небольшой книксен. И у меня вырвалось нечто среднее между смешком и вскриком.

– Что случилось? – забеспокоился Максон.

– Потом объясню, – прошептала я.

Озадаченный, но спокойный, он ободряюще сжал мою руку и снова устремил взгляд на наших гостей.

– Мы пришли к вам с миром для разговора, – произнес мужчина. – Мы безоружны, ваши охранники нас обыскали. Я отдаю себе отчет в том, что просить о разговоре с глазу на глаз неуместно, но нам необходимо обсудить такие вещи, которые не предназначены больше ни для чьих ушей.

– А как же Америка? – спросил Максон.

– Мы хотим, чтобы она присутствовала при разговоре.

– С какой целью?

– Это тоже не для их ушей, – почти дерзко ответил молодой человек, насмешливо обводя рукой комнату.

– Если вы задумали причинить ей...

– Я знаю, что вы относитесь к нам с недоверием, и не без веских оснований, но у нас нет причин желать зла ни вам, ни ей. Мы всего лишь хотим поговорить.

Максон на минуту задумался.

– Ты, – бросил он одному из гвардейцев, – выдвини в центр зала стол и четыре кресла. После этого прошу всех разойтись в стороны, чтобы дать нашим гостям место.

Гвардейцы повиновались, и следующие несколько минут прошли в неловком молчании. Когда стол и четыре кресла, по два с каждой стороны, были передвинуты в центр, Максон жестом пригласил эту парочку присоединиться к нам.

Стражники отступили назад, безмолвно оцепив зал по периметру и не сводя глаз с повстанцев, готовые в любую секунду при необходимости открыть огонь.

Когда мы подошли к столу, мужчина протянул руку:

– Вам не кажется, что для начала неплохо бы представиться?

Максон настороженно взглянул на него, но потом все-таки уступил:

– Максон Шрив, ваш законный повелитель.

– Очень приятно, сир, – усмехнулся молодой человек.

– С кем имею честь?

– Мистер Август Иллеа, к вашим услугам.

Глава 6

Мы с Максоном переглянулись, потом вновь устремили взгляды на повстанцев.

– Вы не ослышались. Я Иллеа. По праву рождения. А эта девушка вскоре будет носить эту фамилию по праву брака. – Август кивнул на свою спутницу.

– Джорджия Уитакер, – представилась та. – Вас, Америка, мы все знаем и так.

Она снова улыбнулась мне, и я ответила ей тем же. Я не была уверена, что доверяю ей, но ненависти определенно не испытывала.

– Отец оказался прав, – вздохнул Максон. Я в замешательстве покосилась на него. Максон был в курсе, что по стране разливают прямые потомки Грегори Иллеа? – Он говорил, что рано или поздно вы явитесь за короной.

– Да не нужна мне ваша драгоценная корона, – заверил нас Август.

– Прекрасно, потому что я намерен возглавить эту страну, – отрезал Максон. – Меня готовили к этому с самого рождения, и если вы считаете, что можете заявиться во дворец и утверждать, что вы праправнук Грегори, то...

– Да не нужна мне ваша корона, Максон! Уничтожить монархию желают южане, а у нас другие цели. – Август уселся за стол и откинулся на спинку кресла. Потом, точно это мы были гостями на его территории, жестом пригласил нас садиться.

Мы с Максоном снова переглянулись и тоже сели. Джорджия быстро последовала нашему примеру. Некоторое время Август смотрел на нас, то ли изучая, то ли пытаясь решить, с чего начать.

Максон, видимо, вспомнив, кто здесь главный, прервал молчание:

– Не хотите чая или кофе?

– Кофе! – просияла Джорджия.

При виде ее восторга Максон против воли улыбнулся и, обернувшись, сделал знак одному из гвардейцев:

– Попроси кого-нибудь из служанок принести нам кофе, ладно? Только покрепче. – Затем он снова устремил взгляд на Августа. – Я даже представить себе не могу, что вам нужно от меня. Судя по всему, вы намеренно явились во дворец ночью, когда все спят, а потому полагаю, вы хотели бы сохранить этот визит в тайне. Рассказывайте, что привело вас сюда. Я не могу обещать, что дам вам то, чего вы хотите, но обещаю вас выслушать.

Август кивнул и наклонился вперед:

– Вот уже несколько десятилетий мы ищем дневники Грегори. Об их существовании нам известно давно, а некоторое время назад мы получили подтверждение этому из источника, раскрыть который я не могу. – Он посмотрел на меня. – Не беспокойтесь, ваше выступление в «Вестях» тут ни при чем.

Я с облегчением выдохнула. Как только он упомянул о дневниках, я тут же начала ругать себя за неосмотрительность и морально готовиться к тому, что Максон добавит этот пункт в список глупостей, которые я сделала.

– Мы никогда не хотели свергнуть монархию, – заверил Август. – И хотя она была установлена нечестным путем, мы не имеем ничего против законного правителя, в особенности если этим правителем будете вы.

Максон не шелохнулся, но я почувствовала охватившую его гордость.

– Спасибо.

– Нам нужны совершенно другие вещи. Определенные права и свободы. Мы хотим, чтобы чиновники избирались голосованием и были отменены касты, – сказал Август с таким видом, будто это было очень легко сделать.

Если он видел, как прервали мое выступление в прямом эфире «Вестей», то должен понимать, что все отнюдь не так.

– Можно подумать, что я уже король, – с раздражением в голосе отозвался Максон. – Даже если бы это было возможно, я не могу просто дать вам то, чего вы просите.

– Но вы не отвергаете саму идею?

Максон поднял руки и положил ладони на стол, наклоняясь вперед:

– Отвергаю я ее или не отвергаю, в данный момент не имеет никакого значения. Я не король.

Август вздохнул и посмотрел на Джорджию. Казалось, они понимают друг друга без слов, и я позавидовала тому, как непринужденно они выражают свои чувства. Несмотря на опасность своего положения, в которое они сами поставили себя, наверное, они не исключали и возможности того, что им не удастся выбраться из дворца живыми, тем не менее Август и Джорджия не скрывали своих чувств.

– Кстати, о королях, – добавил Максон. – Почему бы вам не объяснить Америке, кто вы такой? Уверен, вы справитесь с этим куда лучше, чем я.

Похоже, таким способом Максон выгадывает время, чтобы обдумать, как взять ситуацию под контроль. Что ж, ему виднее. А мне до смерти хотелось понять, в чем дело.

– Это действительно любопытная история, – невесело улыбнувшись, начал Август с дрожью в голосе, и я поняла, что рассказ будет по-настоящему захватывающим. – Как вам известно, у Грегори было трое детей: Кэтрин, Спенсер и Деймон. Кэтрин выдали замуж за принца, Спенсер умер, и трон унаследовал Деймон. После смерти Джастина, сына Деймона, принцем стал его кузен Портер Шрив, который женился на молодой вдове Джастина, победившей в Отборе за три года до этого. Так Шривы пришли к власти. Ветвь Иллеа должна была прекратить существование. Однако мы никуда не делись.

– Мы? – переспросил Максон многозначительным тоном, словно надеялся услышать конкретные цифры.

Август лишь молча кивнул. Стук каблуков возвестил о приближении служанки. Максон приложил палец к губам. Можно подумать, наш гость осмелился бы продолжать в ее присутствии. Служанка поставила на стол поднос и принялась разливать кофе по чашкам. Джорджия потянулась за своей чашкой еще до того, как ее успели наполнить. Я не очень любила кофе, – на мой вкус, он был слишком горьким, – но сейчас мне совершенно необходимо было взбодриться, и я обреченно взялась за ручку чашки. Прежде чем я успела его пригубить, Максон подвинул ко мне сахарницу, точно прочитал мои мысли.

– Так на чем мы остановились? – вернулся он к нашему разговору.

Сам он пил свой кофе без молока.

– Спенсер не умер, – ровным тоном произнес Август. – Он знал, что сделал его отец, чтобы заполучить власть над страной, знал, что его старшую сестру практически продали замуж за человека, который был ей ненавистен, и понимал, что от него ожидали того же самого. Он не мог на это пойти и поэтому сбежал.

– Куда? – поинтересовалась я, впервые за все время подав голос.

– Он прятался по друзьям и родным, пока в конце концов вместе с единомышленниками не организовал лагерь на севере, где холодно, сыро и так трудно ориентироваться, что никто не отваживается туда сунуться. Большую часть времени мы живем там, не привлекая к себе внимания. – (Джорджия, слегка шокированная, ткнула его локтем.) – Получается, я только что раскрыл местоположение нашего лагеря, – спохватился Август. – Хотелось бы напомнить вам, что мы ни разу не убили никого из гвардейцев и дворцовой челяди и всеми силами старались не ранить их. Все, к чему мы стремимся, – это уничтожить касты. А потому нам нужны были доказательства того, что Грегори был именно таким, как нам всегда про него рассказывали. Теперь мы их получили, к тому же Америка в своей речи на телевидении тоже намекнула на

это. Если бы мы хотели, то могли бы воспользоваться ее выступлением. И обязательно так поступим, если нас вынудят.

Максон сделал большой глоток кофе и отставил чашку в сторону:

– Честно говоря, я не очень понимаю, что мне делать с этой информацией. Вы прямой потомок Грегори Иллеа, но корона вам не нужна. Вы пришли с требованиями, выполнить которые может только король, и тем не менее попросили о встрече со мной и одной из девушек Элиты. Мой отец сейчас вообще в отъезде.

– Мы в курсе, – ответил Август. – Поэтому и пришли.

Максон засопел:

– Если вам не нужна корона, а нужны вещи, которых я вам дать не могу, зачем вы здесь? Август с Джорджией переглянулись. Похоже, главная их просьба была еще впереди.

– Мы пришли просить вас об этом, потому что знаем, что вы человек разумный. Мы наблюдаем за вами с самого детства и видим это в ваших глазах. И сегодняшний визит только подтвердил наше мнение.

Я исподтишка покосилась на Максона. Мне хотелось увидеть его реакцию на их слова.

– Вам тоже не по душе разделение на касты. Вам не нравятся методы, с помощью которых ваш отец управляет страной. Вы не рветесь воевать, потому что понимаете, что войны несут одни только беды. Вы хотите мира как ничего другого. Мы полагаем, что, когда вы взойдете на престол, положение вещей может серьезно измениться. Мы долго ждали этого момента и готовы ждать еще. Я уполномочен от лица повстанцев-северян дать вам обещание никогда больше не нападать на дворец и сделать все, что будет в наших силах, чтобы предотвратить или ослабить нападения южан. Мы видим много такого, чего из-за этих стен не видите вы. Мы присягнем вам на верность, если вы проявите готовность вместе с нами двигаться к будущему, которое наконец-то даст народу Иллеа надежду жить своей жизнью.

Максон, похоже, не знал, что сказать, поэтому подала голос я:

– Кстати, а чего хотят южане? Просто истребить нас всех?

Август дернул головой, не то кивнув, не то покачав ею:

– И это тоже, но только ради того, чтобы никто не мог противостоять им. Слишком много народу живет под постоянным гнетом, и эта растущая часть общества ухватила за идею, что они сами могли бы управлять страной. Америка, вы Пятерка, я уверен, вы не раз встречали людей, которые ненавидят монархию. – (Максон незаметно покосился на меня. Я коротко кивнула.) – Конечно встречали. Потому что, когда ты на дне, единственное, что тебе остается, – винить в своих бедах верхушку. И в данном случае у них есть на то все основания, ведь именно Единица обрек их на жизнь, которую они не имеют надежды улучшить. Те, кто возглавляет южан, убедили своих последователей, что единственный способ вернуть себе то, что они считают своим по праву, – отобрать это у монархии. Среди моих людей есть такие, кто откололся от верхушки южан и перешел в наш лагерь. Я знаю наверняка, когда южане придут к власти, они не станут ни с кем делиться благами. Разве есть в истории хотя бы один пример, чтобы такое случалось? Их план заключается в том, чтобы уничтожить все, чем располагает Иллеа, захватить власть, раздать обещания и оставить все как есть. Я уверен, что положение большинства только ухудшится. Шестерки и Семерки ничего не выиграют, за исключением небольшой горстки избранных, которых лидеры южан облагодетельствуют напоказ. Двойки и Тройки лишатся всего, что имели. Может, кому-то это и доставит моральное удовлетворение, но положения в целом не исправит. Если не будет больше поп-звезд, штампующих одну за другой свои дурацкие песенки, значит останутся не у дел музыканты, которые сейчас у них в подмастерьях, клерки, которые бегают туда-сюда с записями, владельцы музыкальных магазинов. Стоит убрать одного на вершине пирамиды – и это убьет тысячи тех, на ком она держится. – Август на мгновение умолк. В глазах у него плескалась тревога. – Мы получим второго Грегори, только хуже. Южане морально готовы действовать беспощадно, на что вы никогда не пой-

дете, а шансы, что страна сможет восстановиться, ничтожно малы. В итоге гнет останется тем же самым, только сменит название... Народ же будет терпеть такие лишения, каких не терпел никогда прежде. – Он посмотрел Максону в глаза. Похоже, между ними возникло некоторое понимание, вызванное тем, что оба были рождены для того, чтобы вести за собой людей. – Нам нужен лишь какой-нибудь знак, и тогда мы сделаем все, что в наших силах, чтобы помочь вам произвести перемены мирным и справедливым путем. Ваш народ заслуживает шанса.

Максон уставился взглядом в стол. Я не представляла, что сейчас делается у него в голове.

– Что вы подразумеваете под знаком? – спросил он нерешительно. – Деньги?

– Нет. – Август, казалось, с трудом удержался от смеха. – У нас столько средств, сколько вам и не снилось.

– Каким образом вы их получили?

– Пожертвования, – отозвался Август просто.

Максон кивнул, но для меня это стало неожиданностью. Пожертвования означали, что есть люди – один бог знает сколько, – которые их поддерживают. Какова численность повстанцев-северян, если принимать во внимание этих сторонников? Какая часть населения страны хочет того, о чем пришли просить эти двое?

– Если вам не нужны деньги, – наконец произнес Максон, – что же тогда вам нужно?

Август кивнул головой в мою сторону:

– Выберите ее.

Я закрыла лицо руками, потому что отлично представляла, как Максон воспримет эти слова.

Повисло долгое молчание, а потом он взорвался:

– Я не позволю никому диктовать мне, на ком жениться, а на ком нет! Вы играете в игры с моей жизнью!

Я оторвала руки от лица как раз вовремя, чтобы увидеть, как Август поднимается в полный рост.

– А того, что дворец многие годы играет с жизнями других людей, вы предпочитаете не замечать. Пора вам повзрослеть, Максон. Вы принц. Если вам так нужна ваша драгоценная корона, оставьте ее себе. Но к ней прилагаются и обязанности перед народом.

Гвардейцы незаметно сжали кольцо, встревоженные тоном Максона и угрожающей позой Августа. Теперь им наверняка было все слышно.

Максон тоже поднялся со своего места:

– Выбирать себе жену я буду сам. Точка.

Август, нимало не обескураженный, отступил на шаг назад и скрестил руки на груди:

– Прекрасно! Что ж, если этот вариант вам не подходит, у нас в запасе есть еще один.

– Кто именно?

– Так я вам и сказал, – усмехнулся Август, – учитывая, как хладнокровно вы отреагировали в первый раз.

– Давайте выкладывайте.

– Она или другая не суть важно. Нам всего лишь нужна уверенность в том, что ваша будущая супруга будет с вами заодно.

– Меня зовут Америка, – звенящим голосом произнесла я, поднимаясь и глядя ему прямо в глаза. – И я вам не игрушка. Вы тут разглагольствуете о том, чтобы дать всем людям Иллеа шанс жить той жизнью, какой они хотят. А как же я? Как же мое будущее? Меня в вашем плане можно в расчет не брать? – Я перевела взгляд с Августа на Джорджию, требуя ответа. Они молчали. Краем глаза я заметила гвардейцев, плотным кольцом окруживших нас. Я понизила голос. – Я обеими руками за то, чтобы упразднить касты, но использовать себя в качестве разменной монеты я не позволю. Если вы ищете пешку, то есть одна девушка, которая так влюб-

лена в него, что согласится на все, что угодно, если в конечном итоге он сделает ей предложение. Да и две остальные тоже, наверное, будут не против. Выбирайте любую.

Не дожидаясь разрешения уйти, я развернулась и бросилась прочь, насколько это было возможно в шлепанцах и халате.

– Америка! Подождите! – окликнула меня Джорджия. Я выскочила за дверь, и она бросилась меня догонять. – Постойте!

– Что?

– Простите нас. Нам казалось, вы любите друг друга. Мы не подозревали, что просим чего-то, что придется ему не по нраву. Мы были уверены, он будет только за.

– Вы не понимаете. Его уже тошнит оттого, что все, кому не лень, им помыкают и командуют. Вы понятия даже не имеете, что ему приходится переносить.

Я почувствовала, как к глазам подступили слезы, и сморгнула их, упрямо глядя на рисунок на куртке Джорджии.

– Нам известно больше, чем вы думаете, – возразила Джорджия. – Может, и не все, но очень многое. Мы очень пристально следим за Отбором, и, судя по всему, вы с Максоном отлично ладите друг с другом. Рядом с вами он выглядит таким счастливым. И потом... Мы знаем про то, как вы спасли своих служанок.

До меня не сразу дошел смысл ее слов. Кто следит за нами по их поручению?

– А еще мы видели, что вы сделали для Марли. Видели, как вы бросились к ней на помощь. И еще ваше выступление несколько дней назад. – Она умолкла и рассмеялась. – Для такого нужна отвага. Нам не помешала бы девушка с отважным сердцем.

– Я вовсе не пыталась героизировать, – покачала я головой. – Большую часть времени я совсем не чувствую себя храброй.

– Ну и что? Неважно, что вы думаете о своем характере, важны ваши поступки. Вы бросаетесь делать то, что считаете правильным, не задумываясь о том, чего это будет вам стоить. Максон отобрал отличных кандидаток, но они не станут пачкаться ради того, чтобы сделать жизнь лучше. В отличие от вас.

– Многое я сделала и ради себя самой. Марли была мне дорога, да и мои служанки тоже. Джорджия приблизилась ко мне:

– Но ведь вам пришлось дорого заплатить и за то и за другое.

– Ну да.

– И вы, наверное, понимали, что так и будет. Но все равно вступились за тех, кто не может защитить себя сам. Это очень важное качество, Америка.

Похвала Джорджии отличалась от тех, к которым я привыкла. Я знала, как реагировать, когда папа твердил мне, что я прекрасно пою, или Аспен говорил, что в жизни не видел девушки красивее... Но эти слова? Они взволновали меня не на шутку.

– По правде говоря, я удивлена, что король вообще позволил вам остаться после всего, что вы сделали. Одно только выступление в «Вестях» чего стоит... – Джорджия присвистнула.

– Он рвал и метал, – рассмеялась я.

– Удивляюсь, как вам удалось выйти оттуда живой!

– Должна сказать, я и сама этому удивляюсь. И мне постоянно кажется, что меня вот-вот вышвырнут.

– Но Максон очень тепло к вам относится, разве не так? Достаточно только посмотреть, как он вас оберегает...

Я пожала плечами:

– Иногда я в этом уверена, а иногда вообще ничего не знаю. Сегодня был неудачный день. И вчера тоже. И позавчера, если уж начистоту.

– И все равно мы болеем за вас, – кивнула она.

– За меня и еще за кое-кого, – поправила я.

– Верно.

И снова она ни намеком не выдала вторую их фаворитку.

– А зачем вы тогда в лесу сделали передо мной книксен? – спросила я. – Просто смеха ради?

Джорджия улыбнулась:

– Я понимаю, временами по нашим действиям этого не скажешь, но нам и в самом деле безразлична судьба королевской семьи. Если с ними что-то случится, южане победят. Если они придут к власти... Ну, вы же слышали, что сказал Август. – Она покачала головой. – В общем, я была совершенно уверена, что смотрю на свою будущую королеву, а потому решила, что вы заслуживаете по меньшей мере книксена.

Этот довод показался мне таким неуклюжим, что я снова рассмеялась:

– Вы просто не представляете, как приятно ради разнообразия поговорить с девушкой, с которой мне нечего делить.

– Что, тяжело? – с сочувственным выражением спросила она.

– Чем меньше нас становится, тем хуже. Ну, я понимала, что так оно и будет... Но сейчас у меня такое ощущение, будто все превращается из борьбы за то, чтобы стать той, кого Максон выберет, в борьбу за то, чтобы он не выбрал кого-то другого. Наверное, я непонятно выразилась?

– Почему, все понятно. Но вы же сами на это подписались.

– В том-то и дело, что не подписывалась, – фыркнула я. – Меня... подбили подать заявку. Я никогда не хотела стать принцессой.

– В самом деле?

– В самом деле.

Джорджия улыбнулась:

– Если вам не нужна корона, вы, пожалуй, и есть та, кто больше всего ее заслуживает.

Я посмотрела на нее и по ее широко раскрытым глазам поняла, что она искренне так считает. Мне очень хотелось расспросить Джорджию поподробнее, но тут из Главного зала вышли Максон с Августом. Оба были на удивление спокойны. Позади на расстоянии следовал один-единственный гвардеец. Август посмотрел на свою невесту с таким видом, словно за несколько минут ее отсутствия уже успел по ней соскучиться. Наверное, потому он и взял ее с собой во дворец.

– У тебя все хорошо, Америка? – спросил Максон.

– Да. – Я обнаружила, что снова не могу смотреть ему в глаза.

– Уже утро, тебе пора к себе, – заметил он. – Гвардейцы поклялись никому не рассказывать о том, чему стали свидетелями, и я был бы признателен, если бы ты сделала то же самое.

– Разумеется.

Моя холодность, похоже, вызвала его недовольство, но как еще я должна была себя вести?

– Мистер Иллеа, рад был с вами познакомиться. Надеюсь в самом ближайшем времени снова встретиться с вами. – Максон протянул руку, и Август непринужденно пожал ее:

– Если вам что-нибудь понадобится, только скажите. Мы действительно на вашей стороне, ваше высочество.

– Спасибо.

– Идем, Джорджия. Кое-кому из здешних гвардейцев явно очень хочется взять нас на мушку.

Она засмеялась:

– Увидимся, Америка.

Я кивнула, совершенно уверенная, что вижу ее в последний раз. От этого было грустно. Она прошла мимо Максона и взяла Августа за руку. Сопровождаемые гвардейцем, они вышли из дворца, и в холле остались только мы с Максоном.

Он поднял на меня глаза. Я проямлила что-то и, махнув рукой в сторону лестницы, двинулась в ее направлении. Возмущение, которое вызвало у него предложение выбрать меня, лишь растравило боль, которую причинили мне его вчерашние слова в библиотеке. Я думала, после той ночи в убежище мы достигли какого-то понимания. Но, похоже, все стало еще сложнее, чем было, когда я пыталась разобраться в своих чувствах к Максону.

Я не знала, какое значение это имеет для нас. И существует ли еще «мы» вообще.

Глава 7

Я очень спешила подняться к себе, но Аспен все равно меня опередил. Это было неудивительно. Он знал дворец как свои пять пальцев, так что ему это ничего не стоило.

– Привет, – произнесла я, не очень зная, что сказать.

Он быстро обнял меня и отстранился:

– Ты молодчина.

– Правда? – улыбнулась я.

– Ты поставила их на место, Мер. – Рискуя жизнью, Аспен большим пальцем погладил меня по щеке и улыбнулся. – Ты заслуживаешь счастья. Мы все его заслуживаем.

– Спасибо.

Аспен, взяв меня за запястье, сдвинул браслет, который Максон привез мне в подарок из Новой Азии, и коснулся того, который я смастерила из подвешенной на шнурок пуговицы, подаренной им. Взгляд у него сделался грустным.

– Мы с тобой скоро поговорим. По-настоящему. Надо много всего обсудить. – С этими словами Аспен двинулся прочь по коридору.

Я со вздохом обхватила голову руками. Неужели он подумал: если я отказала повстанцам, это значит, что я решила дать Максону от ворот поворот? И что я горю желанием возобновить отношения с ним?

А с другой стороны, разве я только что не оттолкнула Максона?

Разве я не думала вчера, что Аспен должен остаться в моей жизни?

Почему тогда все так плохо?

В Женском зале царила мрачная атмосфера. Королева Эмберли писала кому-то письма, время от времени поглядывая на нас четверых. Селеста запаслась кипой журналов и залегла с ними на диван. Крисс весьма предусмотрительно захватила свой дневник и что-то записывала в нем, как всегда пристроившись неподалеку от королевы. Ну почему мне не пришло это в голову? Элиза раздобыла где-то набор карандашей и что-то рисовала у окна. Я сидела в разлапистом кресле рядом с дверью и читала книгу.

Мы даже не смотрели друг на друга.

Я пыталась сосредоточиться на тексте, но мои мысли постоянно съезжали на ту, кого повстанцы хотели бы видеть в роли принцессы, если ею не стану я. Селеста пользовалась огромной популярностью, и ей не составило бы никакого труда повести людей за собой. Интересно, они представляют, какая она искусная манипуляторша? Если они знают про меня, то вполне могут знать и про нее. Может, в ней и в самом деле есть что-то такое, чего я не замечаю?

Крисс – милая девушка и, судя по опросу в том журнале, тоже относится к числу народных любимиц. Да, семья у нее не слишком влиятельная, но если кто-то из нас и достоин стать принцессой, то это она. Она производит такое впечатление. Да, она не идеальна, но очень славная. Наверное, это и привлекает в ней людей. Иной раз даже мне самой хотелось равняться на Крисс.

Меньше всего я бы заподозрила Элизу. Она призналась, что не любит Максона и находится здесь из чувства долга. Я искренне надеялась, что под долгом она подразумевает долг перед своей семьей или своими новоазиатскими корнями, а не перед повстанцами. К тому же она всегда такая сдержанная, такая невозмутимая. В ней нет ни капли бунтарского духа.

И именно поэтому меня вдруг охватила твердая уверенность в том, что именно она их запасной вариант. Она не пыталась бороться и открыто призналась в том, что не испытывает к Максону пылких чувств. Может, у нее просто не было необходимости бороться, потому что

она знала о существовании армии молчаливых сторонников, которые все равно посадят ее на трон?

– Ну, хватит, – произнесла королева неожиданно. – Подойдите ко мне, все четверо.

Она отодвинула шаткий столик и поднялась. Мы нерешительно приблизились.

– Вы все как в воду опущенные. Что случилось? – осведомилась она.

Мы переглянулись. Объяснять не хотелось никому. В конце концов – кто бы сомневался! – подала голос Крисс:

– Ваше величество, мы просто неожиданно осознали, насколько острое между нами соперничество. Расклад сил в отношениях с принцем стал нам несколько более ясен, и нам пока сложно переварить эту информацию и разговаривать друг с другом как ни в чем не бывало.

Королева понимающе кивнула.

– Вы часто вспоминаете Натали? – спросила она.

С отъезда той не прошло и недели, и я вспоминала ее едва ли не каждый день. Кроме того, я постоянно думала о Марли и время от времени о других девушках.

– Все время, – тихо призналась Элиза. – Она была такая живая и веселая.

Ее лицо озарилось улыбкой. Я всегда считала, что Натали действует Элизе на нервы, ведь она такая сдержанная, в отличие от бесшабашной Натали. Но, видимо, это был пример притяжения противоположностей.

– Ее иногда способен был рассмешить любой пустяк, – добавила Крисс. – Это было заразительно.

– Вот именно, – подхватила королева. – Я была на вашем месте и знаю, как вам сейчас нелегко. Вы по сотне раз прокручиваете в голове все, что говорите и делаете сами, и все, что говорит и делает он. Вы постоянно ищете скрытый смысл в каждой фразе, в каждом слове. Это очень выматывает.

У меня было такое чувство, как будто с плеч каждой из нас упала тяжеленная гора. Хотя одна живая душа нас понимала!

– Но я хочу сказать вам вот что. Какими бы напряженными ни были сейчас ваши отношения друг с другом, когда кто-то из вас будет выбывать, остальные будут испытывать боль. Никто не поймет ваши переживания лучше тех, кто почувствовал это на своей шкуре, в особенности те, кому удалось дойти до Элиты. Вы можете ругаться, но ведь даже сестры время от времени ругаются. Вот увидите, когда все закончится, первый год вы будете созваниваться друг с другом чуть ли не каждый день, потому что будете отчаянно бояться сделать какую-нибудь ошибку и нуждаться в поддержке друг друга. Когда вы будете устраивать вечеринки, каждая из вас будет указывать имена троих остальных в числе самых дорогих гостей, сразу же после имен ваших родных. Потому что вы уже сроднились друг с другом. Вы пронесете эти отношения через всю жизнь.

Мы переглянулись. Если бы я была принцессой и мне понадобился бы трезвый взгляд на какой-либо вопрос, первым делом я позвонила бы Элизе. Если бы я поругалась с Максоном, Крисс напомнила бы мне обо всех его достоинствах. А Селеста... В ней я не была так уверена, но если среди моих знакомых и был кто-то, способный посоветовать не переживать по пустякам, это определенно была она.

– Так что не спешите, – продолжала королева. – Вам необходимо привыкнуть к своему новому положению. И отпустить ситуацию. Не вы выбираете его, он выбирает вас. Глупо ненавидеть друг друга из-за этого.

– Вы знаете, которой из нас Максон отдает предпочтение? – спросила Селеста, и впервые за все время я услышала в ее голосе тревогу.

– Не знаю, – призналась королева Эмберли. – Иногда мне кажется, я догадываюсь, но не стану утверждать, что душа моего сына для меня открытая книга. Я знаю, кого выбрал бы король, но и только.

– А кого выбрали бы вы? – вырвалось у меня, прежде чем я успела прикусить язык. Она ласково улыбнулась:

– По правде говоря, я запретила себе об этом думать. Если бы я полюбила одну из вас, как дочь, а потом потеряла ее, я бы этого не пережила. У меня разорвалось бы сердце.

Я опустила глаза, не очень понимая: она таким образом пыталась ободрить нас или нет?

– Я скажу вам так. Я буду рада принять в семью любую из вас. – (Я вскинула голову и увидела, что королева посмотрела в глаза по очереди каждой из нас.) – А сейчас мне нужно возвращаться к делам.

Мы молча стояли, впитывая ее мудрость. У меня так и не дошли руки побольше разузнать про участниц прошлого Отбора, найти их фотографии и все такое. Я слышала какие-то имена, в основном в разговорах женщин постарше, когда пела на вечеринках. Я никогда ими не интересовалась. Королева у нас уже была, а мысль о том, что я могу стать принцессой, даже в детстве никогда не приходила мне в голову. Теперь же я задавалась вопросом, кто из тех женщин, которые приезжали повидаться с королевой или были приглашены на Хеллоуин, прежде были ее соперницами в Отборе, а теперь стали ближайшими подругами.

Селеста очнулась первой и направилась обратно к дивану. Похоже, слова королевы Эмберли не произвели на нее особого впечатления. Почему-то это переполнило мою чашу терпения. Слишком много всего обрушилось на меня за эти несколько дней, и я почувствовала, что еще миг – и я сломаюсь.

– Прошу меня простить, – сделав книксен, пробормотала я и торопливо бросилась к двери.

Я ничего не планировала, просто собиралась отсидеться в туалете или укрыться в одной из многочисленных комнат первого этажа. А может, даже подняться к себе и хорошенько выплакаться.

К несчастью, сегодня, похоже, все было против меня. Выскочив из Женского зала, я немедленно наткнулась на Максона, который расхаживал взад-вперед по коридору, словно пытался решить какую-то задачку. Прежде чем я успела куда-нибудь юркнуть, он меня увидел.

Это было самое последнее, чего мне сейчас хотелось.

– Я как раз собирался попросить тебя выйти на минутку, – сказал он.

– Что тебе нужно? – отрывисто спросила я.

Максон остановился, собираясь с духом, чтобы произнести вслух что-то такое, что явно сводило его с ума.

– Значит, есть одна девушка, которая любит меня до умопомрачения?

Я скрестила руки на груди. После всего, что произошло за эти несколько дней, я должна была догадаться, к чему все идет.

– Да.

– Не две?

Я посмотрела на него, почти раздраженная необходимостью объясняться. «Неужели ты и так не знаешь, какие чувства я испытываю! – хотелось мне закричать. – Неужели ты забыл, что произошло в убежище?»

Но, откровенно говоря, мне самой сейчас тоже нужно было какое-то подтверждение. Какие события так стремительно разрушили мою уверенность?

Король. Его завуалированные намеки на то, что делали другие девушки, его восхваления их достоинств значительно понизили мою оценку самой себя. А мои промахи в отношениях с Максоном на этой неделе лишь еще больше все усугубили. Если бы не Отбор, мы с ним никогда бы не встретились, но пока Отбор продолжался, я не могла быть ни в чем уверенной.

– Ты сказал, что не доверяешь мне, – накинулась я на него. – Недавно ты намеренно унизил меня, а вчера практически в лицо назвал позорищем. А не далее как несколько часов

назад предложение жениться на мне привело тебя в ярость. Извини, но я почему-то не ощущаю себя уверенной в твоих чувствах.

– Ты забываешь, Америка, что у меня нет никакого опыта в таких делах, – возразил он горячо, но без запальчивости. – Это тебе есть с кем сравнивать. А я представления не имею о том, как должны развиваться нормальные отношения, к тому же на все про все у меня ровно одна попытка. У тебя их было по меньшей мере две. Я не могу не делать ошибок.

– Я не против ошибок, – парировала я. – Я против неопределенности. Половину времени я вообще не понимаю, что происходит.

Он немного помолчал, и я поняла, что мы с ним сейчас находимся на распутье. До сих пор наши отношения зиждились на неясных полунамеках, на чем-то подразумеваемом, что никогда не произносилось вслух. Но дальше так продолжаться не могло. Даже если мы в конце концов будем вместе, эта неопределенность будет преследовать нас.

– У нас с тобой вечно одно и то же, – выдохнула я, не в силах больше играть в подобные игры. – Мы сближаемся друг с другом, а потом что-то случается и все разваливается, а ты никогда не можешь найти в себе силы принять какое-то решение. Если я действительно тебе так нужна, как ты твердишь, почему ты не положишь этому конец?

Хотя я только что бросила ему в лицо обвинение в том, что ему плевать на меня, его раздражение сменилось печалью.

– Да потому, что половину времени я провел в уверенности, что ты любишь другого, а вторую половину сомневался, что ты вообще способна меня полюбить, – ответил он, и я немедленно почувствовала себя полной дрянью.

– А у меня, можно подумать, не было причин сомневаться? Сначала ты не отходил от Крисс, а потом я застучала тебя с Селестой...

– Я же все объяснил тебе.

– Да, но мне все равно больно это видеть.

– А мне больно видеть, как быстро ты перегорела. С чего вообще все это началось?

– Не знаю, но, может быть, тебе лучше на какое-то время перестать думать обо мне.

Повисло гробовое молчание.

– То есть как это?

– Кроме меня, – пожала я плечами, – здесь еще три девушки. Если ты так тревожишься за свою единственную попытку, может, ее лучше не тратить на кого-нибудь другого?

И с этими словами я зашагала прочь, злясь на Максона за то, что так вывел меня из себя... и на себя саму за то, что еще больше все испортила.

Глава 8

Дворец на глазах преображался. Практически за одну ночь вдоль коридоров первого этажа выросли пышные рождественские елки, лестницы украсились гирляндами, а к традиционным букетам добавились ветки падуба и омелы. Тем страннее было, открывая окно, ощущать практически по-летнему теплый воздух. Интересно, нельзя ли устроить какую-нибудь имитацию снега? Наверное, если попросить Максона, он что-нибудь придумает.

А может, и нет.

Шли дни. Я старалась не слишком переживать из-за того, что Максон теперь вел себя именно так, как я порекомендовала ему, но чем прохладней становились наши отношения, тем больше я жалела о своей гордости. Наверное, это было неминуемо. У меня был настоящий талант говорить не то, что нужно, и делать неправильный выбор. Даже если Максон действительно тот, кто мне нужен, я ни за что не смогу держать себя в руках настолько долго, чтобы это стало реальностью.

Я завела привычку гулять днем по дворцу. Теперь, когда о том, чтобы выйти в сад, не могло быть и речи, в Женском зале я чувствовала себя запертой в четырех стенах.

Именно во время одной из таких прогулок я и почувствовала какую-то неуловимую перемену. Всех вокруг точно подменили. Гвардейцы, навьюженные стоявшие на часах, казались еще более неподвижными, а служанки, сновавшие вокруг, ускоряли шаг. Даже мне самой неожиданно стало как-то не по себе, словно мое присутствие здесь вдруг ни с того ни с сего стало нежелательным. Прежде чем я успела докопаться до причин этого чувства, из-за угла показался король в сопровождении небольшой свиты.

И все мгновенно встало на свои места. В его отсутствие дворец ожил, а теперь, когда он вернулся, мы все снова стали игрушками в его руках. Ничего удивительного, что повстанцы-северяне с нетерпением ждали, когда на престол взойдет Максон.

Я сделала книксен. Король на ходу вскинул руку, и сопровождавшие его остановились, образовав вокруг нас небольшое пространство, в котором можно было поговорить.

– Леди Америка. Я вижу, вы по-прежнему с нами, – произнес он.

Его улыбка и эти слова никак не вязались друг с другом.

– Да, ваше величество.

– Ну и как вы вели себя в мое отсутствие?

– Тише воды ниже травы, – улыбнулась я.

– Вот и славно. – Он двинулся было прочь, но потом что-то вспомнил и вернулся. – Я обратил внимание, что из оставшихся девушек вы единственная до сих пор получаете плату за участие. Элиза добровольно отказалась от содержания, когда были прекращены выплаты Двойкам и Тройкам.

Это меня не удивило. Элиза была Четверкой, но ее семье принадлежала сеть фешенебельных отелей. Они, в отличие от лавочников в Каролине, вовсе не нуждались в деньгах.

– Я считаю, этому следует положить конец, – заявил он, отрывая меня от размышлений.

У меня вытянулось лицо.

– Если, конечно, вы не находитесь здесь ради этих выплат, а не потому, что любите моего сына. – Он сверлил меня взглядом, точно хотел, чтобы я бросилась возражать.

– Вы правы, – произнесла я, ненавидя себя за то чувство, которые вызвали во мне эти слова. – Это будет только справедливо.

Он был явно разочарован такой покладистостью.

– Я немедленно отдам распоряжение, – сказал он и зашагал прочь.

А я осталась стоять столбом, пытаясь не расклеиться от жалости к себе. В самом деле, все было правильно. Ведь из нас четверых только я одна продолжала получать чеки. Рано или

поздно этому неминуемо должен был прийти конец. Я со вздохом направилась к себе в комнату. Надо было написать домой, предупредить их, что денег больше не будет.

Я открыла дверь в свою комнату, и впервые за все время мои служанки даже не повернули головы в мою сторону. Все трое сгрудились в углу, склонившись над платьем, которое шили, и пытались выяснить, кто виноват в том, что оно до сих пор не готово.

– Люси, ты же обещала, что закончишь подрубать его еще вчера вечером, – наседала на нее Энн. – Даже ушла пораньше.

– Знаю, знаю. Я отвлеклась на другие дела. Сейчас быстренько все доделаю.

Вид у нее был умоляющий. Люси была слишком ранимой, и резковатая Энн порой доводила ее до слез.

– Что-то в последнее время ты слишком часто отвлекаешься, – сухо заметила Энн.

– Успокойтесь, – вскинула руки Мэри. – Дайте сюда платье, пока не испортили.

– Простите, – сказала Люси. – Я сию секунду все доделаю.

– Что с тобой творится? – осведомилась Энн. – Ты очень странно себя ведешь.

Люси вскинула на нее глаза, в которых застыл страх. В чем бы ни заключался ее секрет, она до смерти боялась выболтать его.

Я кашлянула.

Все трое как по команде повернули головы в мою сторону и по очереди сделали книксен.

– Я не знаю, что происходит, – сказала я, подходя к ним, – но очень сомневаюсь, чтобы королевским горничным пристало друг с другом ругаться. И потом, если надо делать дело, вы только зря теряете время на препирательства.

Энн, все еще не остыв, наставила на Люси палец:

– Но она...

Я жестом заставила ее умолкнуть. К моему изумлению, она подчинилась.

– Хватит ругаться. Люси, иди-ка ты шить в мастерскую. Нам всем сейчас не мешало бы спокойно подумать.

Люси подхватила ворох ткани и практически выскочила за дверь, радуясь поводу сбежать. Энн проводила ее недовольным взглядом. Мэри была явно встревожена, однако дисциплинированно взялась за работу, не проронив ни единого слова.

Очень скоро я поняла, что из-за мрачной атмосферы в комнате не могу ни на чем сосредоточиться. Взяв бумагу и ручку, я вернулась на первый этаж. Не знаю, права ли я была, когда отправила Люси вниз. Может, если бы она осталась, они как-нибудь разобрались бы друг с другом. Наверное, не стоило лезть в их дела. Как бы они теперь не передумали помогать мне, я ведь никогда прежде не командовала ими.

Перед дверями в Женский зал я остановилась. Туда меня тоже не очень тянуло. Я пошла дальше по коридору. По пути мне попался укромный уголок со скамьей. Замечательно. Я сбежала в библиотеку, взяла первую попавшуюся под руку книгу, чтобы на ней писать, и вернулась обратно. Устроившись на скамье, я обнаружила, что из коридора меня практически не видно из-за большого цветка в кадке. Широкое окно выходило в сад, и на мгновение дворец перестал казаться клеткой. Я смотрела, как за окном порхают птицы, и пыталась придумать, как бы помягче сообщить родителям, что чеков больше не будет.

– Максон, ну почему мы не можем устроить настоящее свидание? Не во дворце?

Я немедленно узнала голос Крисс. Гм. Пожалуй, не так уж и много народу было в Женском зале.

Когда Максон ответил, я по голосу поняла, что он улыбается.

– Мне бы тоже очень хотелось, милая, но это нелегко было бы устроить, даже если бы все было спокойно.

– Мне так хочется посмотреть на тебя там, где ты не был бы принцем, – проворковала она.

– Но я не перестану быть принцем нигде.

– Ты же понимаешь, что я имею в виду.

– Понимаю. Прости, что не могу тебе этого дать. Думаю, мне тоже было бы интересно посмотреть на тебя там, где ты не была бы Элитой. Но такова уж моя жизнь. – В его голосе послышались грустные нотки. – Ты не пожалеешь об этом? – спросил он. – Ведь так будет до конца твоей жизни. Как бы прекрасны ни были стены, они все равно останутся стенами. Моя мать выезжает за пределы дворца от силы пару раз в год. – (Они прошли мимо меня, даже не догадываясь, что я наблюдаю за ними сквозь густую листву цветка.) – И если народное внимание кажется тебе назойливым уже сейчас, то хочу сказать, что, когда ты останешься единственной, на кого они будут смотреть, все будет еще хуже. Я знаю, ты испытываешь ко мне глубокие чувства. У меня нет в этом никаких сомнений. Но сможешь ли ты вести тот образ жизни, который прилагается к статусу принцессы? Хочешь ли ты этого?

Судя по всему, они остановились где-то в коридоре, потому что голос Максона не становился тише.

– Максон Шрив, – начала Крисс, – ты говоришь так, словно находишься здесь – это какая-то жертва с моей стороны. Я каждый день благодарю судьбу за то, что вошла в число Избранных. Иногда я пытаюсь представить, какой была бы моя жизнь, если бы мы с тобой никогда не встретились... Так вот, даже если я потеряю тебя сейчас, это все равно лучше, чем если бы в моей жизни всего этого не было. – Последние слова Крисс произнесла севшим голосом. Вряд ли она плакала, но явно была к тому близка. – Я хочу, чтобы ты знал: ты был бы мне нужен даже без всех этих роскошных нарядов и великолепных комнат. Даже без короны. Мне нужен ты сам.

Некоторое время Максон ничего не отвечал, и я представила, как он привлекает ее к себе или вытирает слезинки, которые уже вполне могли выступить у нее на глазах.

– Ты просто не представляешь, что значат для меня твои слова. Мне всегда было отчаянно необходимо услышать от кого-нибудь, что я важен сам по себе, – признался он тихо.

– Это так и есть, Максон. – И снова наступило молчание. – Максон?

– Что?

– Знаешь... я больше не хочу ждать.

Я отдавала себе отчет, что пожалею об этом, но, услышав ее слова, бесшумно отложила бумагу и ручку, выскользнула из туфель, на цыпочках прокралась в конец коридора и выглянула за угол. Максон с Крисс целовались. Она слегка запустила руку за воротник его костюма, волосы ее рассыпались по плечам. Вообще-то, для первого раза дела у нее шли вполне неплохо. Во всяком случае, куда лучше, чем у Максона в его первый раз.

Я убрала голову и в следующую же секунду услышала негромкий смех Крисс. Максон издал вздох, в котором слышалось ликование пополам с облегчением. Я поспешно вернулась в свое укрытие и уселась вполборота к окну – на всякий случай.

– Когда мы сможем повторить это еще раз? – спросила она вполголоса.

– Гм. А сколько времени нам понадобится, чтобы перебраться отсюда в твою комнату?

Они удалились по коридору. С минуту я сидела неподвижно, прислушиваясь к затихающему смеху Крисс, потом взяла ручку и бумагу. Теперь нужные слова сами пришли на ум.

Дорогие мама и папа,

в последнее время у меня столько дел, что писать толком некогда. Чтобы доказать, что я во дворце ради Максона, а не ради привилегий, полагающихся Элите, мне пришлось отказаться от платы за участие. Я понимаю, это слишком внезапное известие, но уверена, мы и так успели получить достаточно, так что жаловаться не приходится.

Надеюсь, это известие не слишком вас расстроит. Я ужасно скучаю по вам и надеюсь в самом ближайшем будущем с вами увидаться.

*Я вас всех очень люблю.
Америка*

Глава 9

В конце небогатой событиями недели освещать в эфире «Вестей» было практически нечего. После скурых новостей о пребывании короля во Франции микрофон перешел к Гаврилу – тот непринужденно интервьюировал оставшихся девушек из Элиты о вещах, которые на данном этапе состязания казались совершенно неважными.

С другой стороны, когда в прошлый раз нас решили спросить о чем-то действительно важном, я предложила упразднить касты и едва не вылетела из Отбора.

– Леди Селеста, вы уже видели покои принцессы? – игриво поинтересовался Гаврил.

Я усмехнулась про себя, радуясь, что этот вопрос не задали мне. Ослепительная улыбка Селесты каким-то немыслимым образом умудрилась стать еще ослепительнее, и она, прежде чем ответить, кокетливым жестом перекинула волосы за спину.

– Откровенно говоря, пока еще нет. Но я очень надеюсь заслужить это право. Разумеется, комнаты, которые отвел нам его величество, великолепны, я не могла бы даже желать ничего лучшего. Наши... э-э... постели... – Селеста запнулась, устремив взгляд на двух гвардейцев, которые вбежали в студию.

Нас рассадил таким образом, что мне было видно, как они подбежали к королю Кларксону, тогда как Крисс с Элизой сидели к ним спиной. Обе попытались незаметно оглянуться, но у них ничего не вышло.

– Они поистине роскошны. И я не могу себе даже вообразить что-то... – продолжала Селеста рассеянно.

Договорить ей, впрочем, не дали. Король поднялся со своего места и подошел к ней, оборвав на полуслове.

– Дамы и господа, прошу меня извинить, но у меня срочное сообщение. – В одной руке он сжимал лист бумаги, а второй разглаживал галстук. – С самого рождения нашей страны повстанческое движение было бичом нашего общества, – с сосредоточенным видом заговорил он. – С годами нападения повстанцев на дворец, не говоря уже о простых людях, стали гораздо ожесточеннее. – А теперь они пали еще ниже. Как вам, вероятно, известно, четверо оставшихся в Отборе на данный момент девушек являются представительницами четырех различных каст. Среди них есть Двойка, Тройка, Четверка и Пятерка. Столь разнообразный состав для нас большая честь, однако же он навел повстанцев на весьма прискорбную мысль. – Король оглянулся на нас через плечо, прежде чем продолжить. – Мы готовы к нападениям на дворец и стараемся предотвращать нападения на мирное население. И я не стал бы беспокоить вас, если бы считал, что я, как король, способен защитить вас, но... Теперь повстанцы выбирают себе объекты для нападения исходя из касты.

Его слова повисли в воздухе. Мы с Селестой, забыв свою вражду, озадаченно переглянулись.

– С давних времен они хотели положить конец монархии. Недавние нападения на родных этих девушек лишний раз продемонстрировали, что мерзавцы не остановятся ни перед чем, и мы приставили к семьям Элиты солдат дворцовой гвардии, чтобы защитить близких Элиты. Однако теперь и этого уже недостаточно. Если вы Двойка, Тройка, Четверка или Пятерка, то есть принадлежите к одной касте с кем-либо из этих девушек, то можете подвергнуться нападению повстанцев.

Я прикрыла рот ладонью и услышала, как рядом со мной ахнула Селеста.

– С сегодняшнего дня повстанцы намерены атаковать касты, начиная с Двоек и ниже, – зловеще добавил король.

Это было страшно. Нас не смогли заставить покинуть Отбор ради наших близких, но теперь большая часть населения нашей страны будет желать, чтобы мы ушли. И чем дольше

мы будем упорствовать, тем сильнее нас будут ненавидеть за то, что ставим под угрозу чужие жизни.

– Это поистине печальная новость, мой король, – произнес Гаврил, прерывая молчание.

Король кивнул:

– Конечно, мы найдем какое-нибудь решение. Но за сегодняшний день мы получили сообщения о пяти нападениях в пяти различных провинциях. Все они были направлены против Двоек и стоили жизни по меньшей мере одному человеку.

Рука, которой я зажимала рот, переместилась к сердцу. По нашей вине погибли люди!

– Пока что, – продолжал король Кларксон, – мы рекомендуем вам не отходить далеко от дома и принять все необходимые меры безопасности.

– Превосходный совет, мой король, – кивнул Гаврил, оборачиваясь к нам. – Девушки, не хотите что-нибудь добавить?

Элиза молча покачала головой.

Крисс собрала с духом:

– Я знаю, что Двойки и Тройки находятся под угрозой, но ваши дома безопаснее, чем дома тех, кто ниже вас кастой. Если вы сможете приютить у себя семью Четверок или Пятерок, которые хорошо вам знакомы, думаю, это будет очень хорошая идея.

– Берегите себя, – кивнула Селеста. – Делайте то, что скажет король.

Она обернулась ко мне, и я запоздало спохватилась, что от меня тоже ждут каких-то слов. Обыкновенно, если я в эфире «Вестей» терялась и не знала, как быть, то украдкой смотрела на Максона, надеясь получить от него безмолвный совет. Вот и сейчас я по привычке попыталась отыскать его глаза. Однако он сидел, разглядывая собственные колени, так что я не увидела ничего, кроме его светловолосой макушки.

Разумеется, он беспокоился за своих подданных. Но дело было не только в заботе о народе. Он понимал, что мы можем уехать.

Более того, разве это не наш долг? Сколько Пятерок могут лишиться жизни, пока я тут сижу в ярком свете софитов в дворцовой студии?

С другой стороны, почему я – или любая из девушек – должна взваливать на себя груз ответственности? Это ведь не мы лишаем людей жизни. Я припомнила все, что говорили Август с Джорджией, и поняла, что нам остается лишь одна возможность.

– Боритесь, – сказала я, не обращая ни к кому в отдельности. Потом вспомнила, где нахожусь, и взглянула прямо в камеру. – Боритесь. Эти повстанцы – негодяи. Они пытаются запугать вас, чтобы вынудить делать то, что им нужно. Но какое будущее вас ждет, если вы подчинитесь? Что они могут вам предложить? Эти люди, эти тираны, они ведь не откажутся от насилия. Если вы сейчас не дадите им отпор, если вы признаете их власть, все будет только в тысячу раз хуже. Поэтому боритесь. Боритесь, как можете.

Кровь стучала в ушах, адреналин пульсировал в каждой моей жилке. Я готова была сама идти драться с повстанцами. С меня хватит! Достаточно они наводили на нас ужас и терроризировали наших близких. Если бы сейчас передо мной вырос один из повстанцев-южан, я не стала бы спасаться бегством.

Гаврил уже снова что-то говорил, но я не слышала ничего, кроме грохота крови в ушах, так была зла. Я даже не заметила, как отключили камеры и стали гаснуть софиты.

Максон подошел к отцу и что-то прошептал ему на ухо. Король покачал головой.

Девушки поднялись и направились к выходу.

– Отправляйтесь по своим комнатам, – мягко сказал Максон. – Ужин вам подадут прямо туда. Я скоро зайду к каждой из вас.

Когда я проходила мимо них, король тронул меня за локоть, и я поняла, что он требует, чтобы я остановилась.

– Это было не слишком умно, – произнес он.

– То, что мы делаем, не работает, – пожала я плечами. – Продолжайте дальше в том же духе, и у вас очень скоро вообще не останется подданных.

Он взмахнул рукой, отпуская меня, вновь сытый по горло моими выходками.

Максон негромко постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, вошел. Я в ночной рубашке лежала в постели и читала. Его не было так долго, что я уже начала сомневаться, что он вообще появится.

– Уже так поздно, – прошептала я, хотя в комнате, кроме нас, никого не было.

– Знаю. Нужно было поговорить со всеми остальными, это было крайне утомительно. Элиза совершенно пала духом. Она чувствует себя виноватой. Не удивлюсь, если она решит уехать.

Хотя он не раз выказывал прохладное отношение к Элизе, я видела, как это задевает его. Я подтянула колени к груди, чтобы он мог присесть.

– А Крисс с Селестой как?

– Крисс настроена чересчур оптимистично. Она уверена, что люди будут осторожны и смогут себя защитить. Не представляю, как такое возможно, если не известно ни где, ни когда повстанцы нападут в следующий раз. Они повсюду. Но она полна надежд. Ты же ее знаешь.

– Угу.

– Селеста в полном порядке. Разумеется, она обеспокоена, но, как и сказала Крисс, Двойкам в этой ситуации опасность угрожает меньше всего. К тому же она всегда такая решительная. – Максон усмехнулся своим мыслям, глядя себе под ноги. – Больше всего ее заботит, как бы я не разочаровался в ней, если она останется. Можно подумать, я смогу ее упрекнуть, если она решит, что здесь ей лучше, чем дома.

– У нее для этого есть все основания, – вздохнула я. – Неужели тебе нужна жена, которую не беспокоит, что ее подданным грозит опасность?

Максон покосился на меня:

– Тебя это беспокоит. Просто ты слишком умна, чтобы проявлять свое беспокойство так, как все остальные. – Он с улыбкой покачал головой. – Я ушам своим не поверил, когда ты призвала людей бороться.

– По-моему, мы только и делаем, что прячемся.

– Ты совершенно права. И я не знаю, испугает ли это повстанцев или только придаст им решимости, но ты, без сомнения, переломила ход игры.

– Я не назвала бы попытку банды головорезов убивать людей по случайному принципу игрой! – возмутилась я.

– Нет, конечно! – поспешно произнес он. – Тут у меня вообще нет никаких слов. Я имел в виду Отбор. – (Я уставилась на него.) – К лучшему или к худшему, но сегодня вечером публика впервые получила настоящее представление о твоём характере. Они увидели девушку, которая с риском для собственной жизни спасает своих служанок, которая способна бросить вызов королям, если считает, что правда на ее стороне. Уверен, теперь они все увидели твою попытку прорваться к Марли совершенно в ином свете. Прежде ты была всего лишь девушкой, которая накричала на меня при первом знакомстве. Сегодня ты стала девушкой, которая не боится повстанцев. Теперь они будут думать о тебе по-другому.

– Я не этого добивалась, – возразила я.

– Знаю. Я так тщательно планировал, как бы организовать, чтобы люди увидели, какая ты настоящая, а ты взяла и сделала это, повинаясь порыву. Это так на тебя похоже. – В его взгляде читалось изумление, как будто с самого начала Максон ожидал от меня чего-то подобного. – В общем, я думаю, ты сказала правильные слова. Пора нам уже перестать прятаться.

Я опустила глаза и принялась водить пальцем по шву на покрывале. Одобрение Максона льстило мне, но то, каким тоном он говорил – точно это была очередная моя маленькая выходка, – казалось сейчас слишком интимным.

– Я устал бороться с тобой, Америка, – произнес он тихо. Я подняла глаза и встретила его искренний взгляд. – Мне нравится, что ты не всегда соглашаешься со мной, – пожалуй, это одно из тех качеств, которые я ценю в тебе больше всего, – но я больше не хочу спорить. Иногда во мне просыпается отцовская вспыльчивость. Я борюсь с ней, но она никуда не девается. Но ты – это что-то! – произнес он со смехом. – Когда ты расстроена, ты сила!

Он покачал головой, видимо одновременно со мной перебирая в памяти добрый десяток подобных эпизодов. Удар коленом в пах, затея с кастами, разбитая губа Селесты. Я никогда не считала себя девушкой с характером, но, по-видимому, все-таки была такой. Он улыбнулся, и я улыбнулась в ответ. Сейчас, когда я вспомнила все мои выходки разом, это казалось даже забавным.

– Я смотрю на остальных и стараюсь быть беспристрастным. Кое-какие мои чувства пугают меня самого. Но я хочу, чтобы ты знала: я по-прежнему смотрю и на тебя тоже. Думаю, ты догадываешься, что это сильнее меня. – Максон по-мальчишески пожал плечами.

Я так хотела сказать ему правильные слова, донести до него, что я по-прежнему хочу, чтобы он смотрел на меня. Но все слова казались неправильными, поэтому я просто вложила свою руку в его. Так мы с ним и сидели молча, глядя на наши руки. Какое-то время он сосредоточенно играл моими браслетами, потом принялся поглаживать подушечкой большого пальца тыльную сторону моей ладони. Как было хорошо, чтобы этот краткий миг безмятежности не кончился никогда, чтобы мы сидели только вдвоем – он и я.

– Почему бы нам с тобой завтра не провести день вместе? – спросил он.

– Было бы здорово, – улыбнулась я.

Глава 10

– Ну и что в сухом остатке? Нагнали еще кучу гвардейцев?

– Да, папа. Огромную кучу. – Я засмеялась в телефонную трубку, хотя ситуация была далека от забавной. Но папа обладал способностью смотреть на самые мрачные вещи с юмором. – Мы все остаемся. Во всяком случае, пока что. И хотя повстанцы сказали, что начнут с Двоек, не позволяй никому легкомысленно относиться к безопасности. Предупреди Тернеров и Канвассов, чтобы были осторожны.

– Ой, котенок, все понимают, что нужно беречься. После того, что ты сказала в «Вестях», думаю, все будут держаться отважней, чем ты можешь себе представить.

– Очень надеюсь.

Я машинально опустила глаза и посмотрела на свои туфли. Они были на высоком каблуке и украшены драгоценными камнями. Кто бы мог подумать, что еще пять месяцев назад я не вылезала из стоптанных балеток.

– Я горжусь тобой, Америка. Иной раз твои высказывания меня удивляют, хотя чему удивляться? Ты всегда была сильнее, чем сама себя считала.

Его искренний тон заставил меня смутиться. Ничье другое мнение не было мне так важно.

– Спасибо, папа.

– Я совершенно серьезно. Не каждая принцесса сказала бы такое.

– Папа, я пока еще не принцесса.

– Это вопрос времени, – парировал он шутливо. – Кстати, о принцессах: как поживает Максон?

– Нормально, – ответила я, теребя платье. Повисла неловкая пауза. – Он мне очень нравится, папа.

– Правда?

– Правда.

– И чем же именно?

Я на минуту задумалась:

– Даже и не знаю. Но рядом с ним я чувствую себя самой собой.

– А что, когда его нет рядом, ты чувствуешь себя кем-то другим? – пошутил папа.

– Нет, я имею в виду... Я всегда помню, к какой касте принадлежу. Даже когда я попала во дворец, какое-то время мне не давал покоя вопрос: Тройка я или Пятерка? Хочу ли я стать Единицей? А теперь подобные мысли вообще не приходят мне в голову. И мне кажется, что это благодаря ему. Нет, он довольно часто ведет себя по-свински. – (Папа фыркнул.) – Но когда я с ним, то знаю, что я Америка. Не представительница какой-то касты, не проект. Я даже не думаю о том, что он выше меня по положению. Он – это просто он, а я – просто я.

Папа немного помолчал.

– Очень за тебя рад, котенок.

Обсуждать с папой свои сердечные дела было немного неловко, но из моих домашних он единственный видел в Максоне человека, а не только знаменитость, он единственный мог понять меня правильно.

– Ну да. Но все далеко не безоблачно, – добавила я, и тут в приоткрытую дверь заглянула Сильвия. – У меня такое чувство, как будто не одно, так другое все время идет наперекосяк.

Сильвия со значением посмотрела на меня и одними губами произнесла: «Завтрак». Я кивнула.

– Ну, это не так уж и страшно. В жизни никогда не бывает так, чтобы все было гладко.

– Постараюсь об этом не забывать. Слушай, пап, мне пора. Я опаздываю.

- Ну, давай беги. Береги себя, котенок, и напиши Мэй.
- Обязательно. Я люблю тебя, папа.
- И я тебя.

После завтрака, когда девушки потянулись к выходу, мы с Максоном задержались в столовой. Проходя мимо, королева подмигнула мне, и я почувствовала, что краснею. Однако выражение лица короля, который шел следом, быстро меня отрезвило.

Когда мы остались вдвоем, Максон подошел ко мне и сплел свои пальцы с моими.

– Я бы спросил тебя, чем бы тебе хотелось заняться, но, увы, вариантов у нас не так много. Ни тебе стрельбы из лука, ни охоты, ни конной прогулки, никакого времяпрепровождения на свежем воздухе.

– Даже если мы возьмем с собой кучу охраны?

– Прости, Америка. – Максон печально улыбнулся. – А что ты скажешь насчет кино? Можно посмотреть что-нибудь с живописными видами.

– Это совсем не то. – Я потянула его за руку. – Идем. Постараемся выжать максимум из того, что нам доступно.

– Вот это правильный подход, – похвалил он.

Почему-то от его похвалы у меня стало легче на душе, будто мы с ним были заодно. Я давно уже не испытывала этого чувства.

Мы вышли в коридор и направились к лестнице, ведущей в кинозал, как вдруг я услышала за окном негромкий перестук.

Я обернулась на звук и ахнула от восторга:

– Дождь!

Выпустив руку Максона, я подбежала к окну и прижалась ладонями к стеклу. За несколько месяцев моего пребывания во дворце дождя не было ни разу, и я уже думала, что так и не будет. Теперь, когда с неба падали тяжелые капли, я поняла, как мне этого не хватало. Не хватало смены сезонов, привычного течения времени.

– Как прекрасно! – прошептала я.

Максон подошел ко мне сзади и обнял за талию.

– Только ты способна восторгаться явлением, которое кому угодно другому испортило бы настроение на целый день.

– Как бы я хотела оказаться сейчас под дождем!

Он вздохнул:

– Я знаю, что ты этого хочешь, но мы просто не...

Я обернулась на Максона, пытаясь понять, почему он осекся. Он огляделся по сторонам, и я последовала его примеру. Если не считать пары гвардейцев, мы были совершенно одни.

– Идем, – решительно произнес он, беря меня за руку. – Будем надеяться, нас никто не видит.

Мы поднялись по лестнице на четвертый этаж. На мгновение я занервничала, решив, что он опять собрался показать мне что-то вроде тайной библиотеки. В прошлый раз это едва не закончилось для меня плачевно.

Мы пошли по коридору. Навстречу попался всего один гвардеец, обходивший этаж караулом. Максон завел меня в просторную гостиную и потянул к стене рядом с большим неработающим камином. Пошарив рукой под каминной полкой, он, разумеется, нащупал потайную кнопку. Одна из панелей сдвинулась, за ней обнаружилась еще одна потайная лестница.

– Держись за мою руку, – сказал он. Я взяла ее и следом за ним начала подниматься по еле различимым в темноте ступеням, пока мы не уперлись в еще одну дверь. Максон отпер обычную задвижку, распахнул дверь – и перед нами оказалась стена воды!

– Мы на крыше? – спросила я, перекрикивая шум дождя.

Он кивнул. Небольшую площадку размером с мою комнату со всех сторон окружали стены. Да, кроме этих стен и неба, ничего больше не было видно. Но я, по крайней мере, выбралась на воздух.

Вне себя от восторга, я сделала шаг вперед и выставила руку наружу. Тяжелые теплые капли немедленно собрались в лужицу на ладони и потекли в рукав. Максон засмеялся – и вытолкнул меня в это царство воды.

Я ахнула от неожиданности, в мгновение ока вымокнув практически до нитки. Обернувшись, я схватила его за локоть, и он попытался оказать мне шутовское сопротивление. Мокрые пряди волос облепили его лицо. С нас обоих текло. Продолжая улыбаться, Максон потянул меня к краю стены.

– Посмотри, – прошептал он.

Я обернулась и только тут впервые увидела открывавшийся отсюда вид. Передо мной как на ладони лежал город. Причудливый лабиринт улиц, четкая геометрия зданий, буйство красок – даже сквозь серую пелену дождя от этой картины захватывало дух.

Я вдруг почувствовала себя накрепко связанной с этим городом, как будто часть моей души уже успела прикипеть к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.